

НИЛ ШУСТЕРМАН

ЖНЕЦ

МЫ БЕССМЕРТНЫ.
ТАК ЧЕГО НАМ
БОЯТЬСЯ?

Нил Шустерман

Жнец

Серия «Жатва смерти»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40848497

Жнец : [роман] / Нил Шустерман ; [пер. с англ. В. Миловидова] : АСТ;

Москва; 2019

ISBN 978-5-17-106951-3

Аннотация

Мир без голода и болезней, мир, в котором не существует ни войн, ни нищеты. Даже смерть отступила от человечества, а люди получили возможность омоложения, и быстрого восстановления от ужасных травм, в прежние века не совместимых с жизнью. Лишь особая каста – жнецы – имеют право отнимать жизни, чтобы держать под контролем численность населения. Подростки Ситра и Роуэн избраны в качестве подмастерьев жнеца, хотя вовсе не желают этим заниматься. За один лишь год им предстоит овладеть «искусством» изъятия жизни. Один год – чтобы стать взрослыми, отказаться от прежних привычек и убеждений. Год невероятного напряжения всех сил – физических и душевных. Потому что, согласно закону, у жнеца не может быть двух подмастерьев, и тот из них, кто окажется слабее, подлежит уничтожению...

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	42
Глава 4	65
Глава 5	74
Часть 2	87
Глава 6	89
Глава 7	99
Глава 8	111
Глава 9	125
Глава 10	131
Конец ознакомительного фрагмента.	134

НИЛ ШУСТЕРМАН

ЖНЕЦ

Нил Шустерман
Жнец

*Посвящается Ольге Нёдтведт, далекой
поклоннице и другу*

Серия «Жатва смерти»

Neal Shusterman
SCYTHE

Перевод с английского *В. Миловидова*
Компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения издательства Simon & Schuster, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Neal Shusterman, 2016

© Перевод. В. Миловидов, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Часть 1

Мантия и кольцо

Закон обязывает нас вести счет невинным – тем, кого мы лишаем жизни.

Как я думаю, невинны все. Даже виновные. Каждый из нас в чем-то виновен, но каждый несет в себе воспоминания о невинности своего детства – и неважно, сколькими слоями жизненного опыта обернута память о той поре. Человечество невинно; человечество виновато – оба эти утверждения в равной степени неоспоримо истинны.

Закон обязывает нас вести счет.

Все начинается в первый день ученичества, но официально мы не называем это «убийством». Это неверно – ни с моральной, ни с иных точек зрения. Это именовалось всегда и именуется сейчас «жатвой». Каждому ребенку, когда он вырастает достаточно, чтобы понимать что к чему, говорят о том, насколько важна для общества работа жнецов. В современном мире наша миссия окружена почти священным ореолом.

Вероятно именно поэтому мы обязаны вести счет. В общедоступном журнале, обращаясь к тем, кто никогда не умрет, равно как и к тем, кто еще не был рожден, мы объясняем, почему мы, жнецы, делаем то, что обязаны

делать. Нам предписывается не просто регистрировать наши действия, но также описывать и чувства – все и каждый должны знать, что таковые у нас имеются. Угрызения совести. Сожаления. Печаль столь сильная, что невозможно вынести. С другой стороны, если бы души наши не разрывались от этих чувств, в каких бы чудовищ мы превратились!

Из журнала жнеца Кюри.

Глава 1

Солнце никогда не погаснет

Жнец явился холодным ноябрьским днем, уже ближе к вечеру. Ситра сидела за обеденным столом и сражалась с особенно трудной алгебраической задачей, перетасовывая возможные переменные, не в силах найти значения ни для «икса», ни для «игрека». И именно в этот момент новая, фатальная переменная вошла в уравнение ее жизни.

Гости часто являлись в квартиру Терранова, а потому, когда прозвенел звонок, к нему отнесли как к чему-то обычному – солнце не померкло, и ничто не предвещало появления смерти на пороге дома. Вероятно, вселенная должна все-таки располагать соответствующими средствами предупреждения, но в жнецах было не больше сверхъестественного, чем в сборщиках налогов, а потому в великой схеме бытия они занимали самое обыденное место. Появлялись, выполняли свои неприятные обязанности и исчезали.

Дверь открыла мать. Ситра не видела гостя – его фигура была закрыта отворенной дверью. Она увидела только, как мать застыла в неподвижности, словно жилы ее мгновенно затвердели. Казалось – толкни ее слегка, и она, упав на пол, разлетится на куски.

– Могу я войти, миссис Терранова?

Тон, которым гость произнес эти слова, выдал его. Звуч-

ный голос, таящий самую неизбежность; голос, подобный гулу колокола, убежденного в том, что звучание его настигнет всякого, кто обречен его услышать. Еще не видя вошедшего, Ситра поняла: это жнец. Боже! *Жнец явился в наш дом!*

– Конечно, проходите.

Мать Ситры сделала шаг в сторону, чтобы освободить проход, – словно гостем была она, а не наоборот.

Жнец миновал порог, неслышно ступая по паркетному полу обутыми в мягкие туфли ногами. Его складчатая мантия была сшита из льняной ткани цвета слоновой кости, и хотя она почти касалась пола, на ней не было видно ни пятнышка. Жнецы, как Ситре было известно, могли сами выбирать цвет своей мантии – любой цвет, кроме черного, который не вполне, как считалось, подходил их службе. Черный означал отсутствие цвета, и это противоречило сути жнеца. Сияющие и просветленные, жнецы считались цветом и светом человечества – именно поэтому они и выбирались для этой работы.

Некоторые мантии были яркого цвета, иные более приглушенного. Выглядели они как богатые, струящиеся по воздуху одеяния ангелов, слетевших с картин мастеров Ренессанса – тяжеловесные и одновременно невесомые. Оригинальный стиль мантий, вне зависимости от вида ткани и ее цвета, позволял легко замечать жнецов в любой толпе, а потому без труда избегать встречи с ними, – если вы этого хотели. Многие же не столько уклонялись от такого рода встреч, сколько

стремились к ним.

Цвет мантии мог немало рассказать о личности жнеца. Слоновая кость – не столь яркий цвет, как белый, и не так сильно бьет в глаза. Но даже это обстоятельство не позволяло забыть о том, кем был пришедший и зачем он явился.

Жнец откинул капюшон, из-под которого показались аккуратно постриженные седые волосы, скорбное лицо, покрасневшее с мороза, и темные глаза, сами по себе казавшиеся оружием. Ситра встала – не из уважения, а от страха. Потрясение было слишком велико. Она старалась сдерживать прерывающееся дыхание, не дать коленям подогнуться. Ноги ее дрожали, а потому Ситре пришлось призвать на помощь свою волю и напрячь мускулы. Зачем бы ни пришел жнец, она не выкажет слабости.

– Можете закрыть дверь, – предложил жнец матери, и та подчинилась, хотя Ситре было видно, насколько ей не по себе. Пока дверь оставалась открытой, страшный гость, стоящий в прихожей, мог еще вполне повернуть назад. Теперь же он был действительно в их доме.

Он осмотрелся и немедленно заметил Ситру. Улыбнулся ей:

– Привет, Ситра!

То, что жнец знал ее имя, привело ее в такой же ступор, в какой впала ее мать, увидевшая жнеца на пороге своего дома.

– Будь вежливой, – сказала мать, с чрезмерной торопливостью. – Поприветствуй нашего гостя.

– Добрый день, Ваша честь.

– Привет! – сказал и младший брат Ситры, Бен, только что появившийся из спальни, привлеченный глубоким голосом гостя. Бен едва смог выдавить из себя это двусложное слово – в его голове трепетала та же мысль, что и у его матери и сестры: «За кем он пришел? Не за мной ли? Или я останусь, чтобы переживать потерю?».

– Я уловил в коридоре запах чего-то аппетитного, – проговорил жнец, вдыхая аромат. – Теперь я вижу, что не ошибся: это здесь.

– Только что испекла зити, Ваша честь. Ничего особенного.

До этого момента Ситра и не подозревала, что мать может быть такой робкой.

– Это хорошо, – кивнул головой жнец, – потому что я неприхотлив.

Затем он сел на диван и принялся терпеливо ожидать обеда.

Кто бы мог подумать, что этот человек явился сюда только для того, чтобы пообедать, и более ни за чем? В конце концов, должны же жнецы где-то есть! Обычно рестораны не требуют с них платы, но могут же они захотеть чего-нибудь домашнего! Ходили слухи, будто некоторые жнецы заставляли свою жертву сперва приготовить им поесть, а потом уже занимались своим делом, «жатвой». Может быть, и здесь будет так?

Каковы бы ни были намерения жнеца, он держал их при себе, и у семьи не оставалось иного выбора, кроме как дать ему все, что он хотел. Поощаит ли он жизнь одного из них, если еда придется ему по вкусу, спросила себя Ситра. Неудивительно, что люди иногда бывали готовы переломиться пополам, только бы угодить жнецу. Надежда, выросшая в тени страха, – самый мощный из существующих мотивов.

По просьбе жнеца мать принесла какой-то напиток, а потом принялась делать все от нее зависящее, чтобы этот обед оказался лучшим из тех, которые она когда-либо подавала гостям. Стряпня вовсе не была ее коньком. Обычно она возвращалась с работы такой усталой, что ее хватало только на то, чтобы на скорую руку приготовить для детей что-нибудь немудрящее. Сегодня же сами их жизни зависят от ее сомнительных кулинарных навыков. А как же отец? Придет ли он домой вовремя, или же «урожай» в его семье будет собран в его отсутствие?

Как ни была Ситра напугана, ей не хотелось оставлять жнеца наедине с его мыслями, а потому она проследовала за ним в гостиную. Бен, испытывавший страх пополам с восхищением, присел с ней рядом.

Наконец гость представился. Его именовали Досточтимый жнец Фарадей.

– Мм... Я как-то делал в школе доклад о Фарадее, – сказал Бен, и его голос дрогнул лишь единожды. – Вы назвали себя в честь реально крутого ученого.

Жнец Фарадей улыбнулся.

– Мне радостно думать, что я выбрал достойного Отца-покровителя. Как и многие ученые, Майкл Фарадей при жизни был недооценен, хотя наш мир без него не стал бы тем, чем он стал сейчас.

– Мне кажется, вы у меня есть в коллекции жнецов, – продолжал Бен. – На карточках. У меня есть почти все Мидмериканские жнецы. Только на карточке вы моложе.

Гостю было, очевидно, около шестидесяти, и хотя его волосы поседели, бородка все еще отдавала солью с перцем. Редко кто из людей доводил себя до такого возраста. Обычно возврат в более юную физическую оболочку происходил гораздо раньше. Ситре было интересно – а какой же у гостя действительный возраст? Сколько лет он уже занимается «жатвой»?

– Это ваши реальные годы, или вы нарочно выбрали внешность конца периода? – спросила она.

– Ситра! – охнула мать, едва не выронив только что снятую с плиты кастрюлю. – Что за бестактность, дочь?

– Я люблю прямые вопросы, – сказал жнец. – Это честные вопросы, а потому я дам честный ответ. Признаюсь, я сделал уже четыре полных разворота. Мой истинный возраст – где-то около ста восьмидесяти лет, хотя точную цифру я забыл. Недавно я выбрал эту почтенную внешность, поскольку те, к кому я прихожу в таком виде, чувствуют себя более комфортно.

Он рассмеялся.

– Они видят во мне мудреца, – закончил он.

– Вы к нам пришли, чтобы заняться «жатвой»? – выпалил вдруг Бен.

По лицу жнеца Фарадея скользнула едва различимая улыбка.

– Я пришел на обед, – ответил он.

Отец Ситры появился перед самым обедом. Мать, вероятно, успела рассказать ему о госте, и эмоционально отец был гораздо более подготовлен, чем прочие члены семьи. Войдя, он сразу направился к жнецу, пожал ему руку, попытался изобразить радушие, выказать гостеприимство – хотя такая степень притворства ему явно претила.

Ели в неловком молчании, которое время от времени прерывалось словами жнеца:

– У вас милый дом!

– Какой душистый лимонад!

– Это, вероятно, самая вкусная зити из тех, что запекают в Мидмерике.

И хотя он говорил лестные для хозяев вещи, его голос сейсмическим ударом отдавался в спинах сидевших за столом.

– Я раньше не видел вас в наших краях, – наконец сказал отец Ситры.

– В этом нет ничего странного, – ответил жнец. – Я не отношусь к публичным фигурам, каковыми предпочитают выставлять себя многие другие жнецы. Им приятны огни рам-

пы; я же считаю, чтобы правильно выполнять нашу работу, нужна некая анонимность.

– Правильно? – сама мысль заставила Ситру ощетиниться. – Разве может быть правильный способ «жатвы»?

– Как тебе сказать? – начал жнец. – Во всяком случае есть неправильные способы.

И больше не стал ничего говорить, продолжая с удовольствием поглощать зити.

Наконец, когда обед уже подходил к концу, жнец сказал:
– Расскажите мне о себе.

Это не являлось просьбой или простым вопросом. Истолковать слова жнеца можно было только одним способом: это приказ. Ситра не знала, является ли этот вопрос частью того танца смерти, который он исполняет, или жнец действительно заинтересован. Но ведь он знал их всех по имени, когда явился к ним в квартиру; конечно же он заранее узнал про них и все остальное. Зачем тогда спрашивать?

– Я занимаюсь историческими исследованиями, – сказал отец.

– Я инженер по производству синтетической еды, – проговорила мать.

– И тем не менее вы приготовили все это из простых ингредиентов, – произнес жнец, удивленно подняв брови.

Мать положила вилку.

– Это синтетические ингредиенты, – пояснила она.

– Да, но если мы можем синтезировать что угодно, – ска-

зал жнец, – зачем нам нужны инженеры по производству синтетической пищи?

Ситра увидела, как кровь буквально отхлынула от лица матери. Но на ее защиту тут же встал отец, решивший бороться за жизнь своей жены:

– Всегда есть возможность совершенствовать процессы!

– Да, – вставил словечко Бен. – И у папы работа очень важная.

– Что? Исторические исследования? – жнец пренебрежительно тряхнул вилкой. – Прошлое никогда не меняется. И, насколько я это вижу, будущее тоже.

Родителям и брату было явно не по себе от замечаний жнеца. Ситра же понимала, что тот имеет в виду. Развитие цивилизации было завершено. Все это знали. В том, что касалось человеческой расы, все было известно, и узнать нечто новое не представлялось возможным. А это означало, что ни один человек не мог быть более значимым, чем другой или другие. По сути, если исходить из общего плана бытия, все были в равной степени бесполезны. Именно это имел в виду жнец, и это приводило Ситру в ярость, поскольку – на определенном уровне понимания проблемы – она знала, что он абсолютно прав.

Ситра легко выходила из себя, и это знали все. Она взрывалась, не дожидаясь повода, и остывала уже после того, как наломает дров. Сегодняшний день не был исключением.

– Зачем вы это делаете? – выпалила она. – Вы ведь при-

шли, чтобы лишить кого-то из нас жизни, верно? Забирайте того, кто вам нужен, и перестаньте нас мучать.

– Ситра! Что ты делаешь? – голос матери дрожал. – Нужно уважать людей!

– Нет! Он пришел к нам исполнить свою работу. Пусть и занимается ею. Он давно решил, кто ему нужен. Жнецы всегда заранее знают, что им делать – еще до того, как переступят порог дома!

Но жнеца, казалось, совсем не смутили слова Ситры.

– Некоторые из нас действительно знают, – сказал он спокойно, – а другие нет. У каждого свои правила.

Бен плакал. Отец обнял его за плечи, но мальчик был безутешен.

– Да, жнецы вынуждены заниматься «жатвой», – покачал головой Фарадей. – Но нам нужно также есть, спать, вести с кем-то простые разговоры.

Ситра схватила его пустую тарелку и отставила в сторону.

– Обед закончен, и вам пора уходить, – почти прокричала она.

Отец приблизился к жнецу. Встал на колени. Ее отец встал на колени перед мужчиной! Это было невыносимо!

– Ваша честь, прошу вас, простите ее. Я беру ответственность за ее поведение на себя.

Жнец неспешно поднялся.

– Не нужно извинений, – проговорил он. – Такого рода выпады здорово освежают. Вы не представляете, как устаешь

от одного и того же. От сводников, от подбострастия, от лести, от этой бесконечной чреды подхалимов! Удар по физиономии способен взбодрить. Это напоминает тебе о том, что ты человек.

Потом он отправился на кухню и выбрал самый большой и самый острый нож из тех, что там были. Несколько раз взмахнул им, словно хотел почувствовать, насколько хорошо он рассекает воздух.

Плач Бена становился все громче, а отец все крепче обнимал его. Жнец приблизился к матери. Ситра была готова броситься вперед, чтобы защитить ее от лезвия, но, вместо того чтобы взмахнуть ножом, жнец протянул вперед другую руку.

– Целуйте кольцо, – произнес он.

Никто не ожидал такого поворота событий, и меньше всех – Ситра.

Мать во все глаза смотрела на жнеца, качала головой, словно не хотела верить в происходящее.

– Вы... вы наделяете меня иммунитетом? – произнесла она.

– Да. За вашу доброту и за отличный обед, которым вы меня угостили, я наделяю вас иммунитетом. Сроком на год, во время которого ни один из жнецов не имеет права тронуть вас.

Мать колебалась.

– Пусть лучше иммунитет будет у моих детей, – пробормо-

мотала она.

Но жнец по-прежнему протягивал руку матери. Кольцо украшал алмаз величиной с костяшку пальца, с темной сердцевиной. Такие кольца носили все жнецы.

– Я предлагаю иммунитет вам, а не им, – сказал жнец.

– Но...

– Дженни, не отказывайся, – вступил в разговор отец.

Мать подчинилась. Встав на колени, она поцеловала кольцо. И сейчас же данные о ее ДНК были сканированы и переданы в базу данных иммунного центра, который контролировало сообщество жнецов. В одно мгновение весь мир узнал, что Дженни Терранова может не бояться жнецов все последующие двенадцать месяцев. Жнец посмотрел на кольцо, которое теперь слегка светилось красным, что означало: стоящий перед ним человек имеет иммунитет. Удовлетворенный, он хмыкнул.

И наконец сообщил им правду.

– Я пришел к вашей соседке, Бриджет Чадуэлл, – сказал он. – Но она еще не вернулась, а я был голоден.

Он мягко тронул голову Бена, словно благословлял его. Прикосновение жнеца успокоило мальчика. Затем жнец направился к двери, по-прежнему сжимая нож в руке, не оставляя никаких сомнений по поводу того, каким способом он будет проводить «жатву». Но перед тем как выйти, он повернулся к Ситре.

– Твой взгляд проникает по ту сторону оболочки вещей, в

самую их суть, – сказал он. – Из тебя выйдет хороший жнец, Ситра Терранова.

Ситра отшатнулась.

– Я никогда не хотела быть жнецом, – сказала она.

– Это – первое требование к кандидату, – отозвался жнец.

И отправился убивать их соседку.

Этот вечер они провели почти в полном молчании. «Жатва» даже не упоминалась – словно неосторожное слово могло вызвать немедленное действие.

Из-за стены, отделявшей соседнюю квартиру, не доносились никаких звуков – ни криков, ни мольбы о пощаде. А может быть, они просто слишком громко включили свой телевизор? Именно это сделал отец, как только жнец ушел, – врубил звук на полную мощность, чтобы ничего не слышать. Но необходимости в этом не было – жнец сделал свое дело тихо и без лишних звуков. Ситра вдруг заметила, что напряженно и не без интереса прислушивается, и то же, как оказалось, делает Бен. И оба они втайне устыдились того болезненного любопытства, что овладело ими.

Часом позже Досточтимый жнец Фарадей вернулся. Дверь отворила Ситра. На мантии цвета слоновой кости – ни пятнышка крови. Может быть, он надел запасную? Или после того как сделал свое дело у соседки в квартире, воспользовался ее стиральной машиной? Нож был тоже чист, и он протянул его Ситре.

– Нам он не нужен, – сказала она, вполне уверенная, что

говорит и от имени родителей. – Мы уже не сможем им пользоваться.

– Вы *обязаны* пользоваться им, – отозвался жнец, – в качестве напоминания.

– Напоминания о чем?

– Жнец – просто орудие смерти, но это орудие – в *ваших* руках. Ты, твои родители, все люди мира управляют жнецами.

Он осторожно вложил нож в руки Ситры.

– Все мы соучастники, – проговорил он. – И ты должна нести свою долю ответственности.

Наверное, жнец был прав, но после его ухода Ситра выбросила нож в мусорный бак.

Это – самое сложное, о чем можно попросить человека. И ему совсем не легче от понимания того, что все это делается во имя добра, во имя общего блага. Раньше люди умирали естественным способом. Старость была терминальным состоянием, а не временным. Существовали невидимые убийцы под названием «болезни», которые уничтожали тело. Старение нельзя было обратить вспять, а кроме того, постоянно происходили несчастные случаи, и погибшие уже не возвращались. Самолеты падали. Машины сталкивались. В мире царили боль, горе, отчаяние. Большинству из нас невозможно даже представить столь опасный мир, где из каждого невидимого и неведомого угла человеку что-то угрожало.

Все это позади, и тем не менее для каждого из нас очевидна простая истина: люди вынуждены умирать.

И, похоже, деваться нам некуда – катастрофы, произошедшие в колониях на Луне и Марсе, доказали это. У нас очень маленький мир, и, хотя мы победили смерть, как когда-то победили полиомиелит, люди все равно должны умирать. В прошлом дело завершения человеческой жизни было в руках природы. Но мы присвоили это право себе. Мы обладаем монополией на смерть. И мы – ее единственные поставщики.

Я понимаю, зачем нужны жнецы, как важна и необходима их работа. Но иногда я задаю себе вопрос: почему выбор пал на меня? А если после этого мира нас ждет мир вечности, то какая судьба ожидает в нем того, кто забирает чужие жизни?

– Из журнала жнеца Кюри.

Глава 2

0,303%

Тигр Салазар выбросился из окна тридцать девятого этажа и некоторое время лежал на мраморной плазе бесформенной грудой костей и окровавленного рваного мяса. Его родители так расстроились, что даже не захотели прийти посмотреть. Зато Роуэн пошел. Роуэн Дэмиш Тигру был кем-то вроде друга.

Теперь Роуэн сидел возле постели Тигра в восстановительном центре и ждал, когда тот придет в себя после процедуры темп-излечения. Настроение – отличное. В центре было тихо. Мирно. Хороший отдых от шума и суеты, царивших дома, – ведь дом за последнее время наполнился таким количеством родственников, какое не вынесет ни одно человеческое существо. Двоюродные сестры, троюродные сестры, кровные родственники, полукровные... А теперь еще и бабушка вернулась домой, сделав третий разворот; явилась, да еще и с новым мужем, и, в довершение всего, беременная.

– У тебя будет еще одна тетя, Роуэн! – провозгласила она. – Ну разве это не мило?

Все это порядком достало мать Роуэна, поскольку на этот раз бабуля выбрала себе двадцатипятилетний возраст и стала на десять лет моложе собственной дочери. Мать всерьез подумывала тоже сделать разворот – хотя бы для того, чтобы

стать ровесницей бабушки. Дедушка вел себя более разумно. Он был в отъезде, в Евроскандии, и ухаживал там за дамами, с честью неся на плечах свои достойные уважения тридцать восемь лет.

Роуэн, которому было всего шестнадцать, твердо решил, что сделает первый разворот только после того, как вдоволь налюбуется своими седыми волосами. Да и не станет слишком омолаживаться, чтобы не приводить никого в смущение. Некоторые люди выбирают двадцать один год – минимум, на который способна генетическая терапия. Правда, ходили слухи, что теперь они усиленно работают над тем, чтобы желающие смогли вернуться в подростковый возраст, – нелепость, с точки зрения Роуэна. Вряд ли человек в здравом уме и твердой памяти захочет снова стать тинейджером.

Роуэн взглянул на приятеля и увидел, что тот открыл глаза и изучающе смотрит на него.

– Привет, – сказал Роуэн.

– Сколько? – спросил Тигр.

– Четыре дня.

Тигр победно взметнул вверх сжатые кулаки:

– Есть! Новый рекорд!

Он посмотрел на свои руки, словно оценивал повреждения. Конечно, никаких повреждений не было. Человека после темп-излечения не возвращают в сознание, пока есть хоть что-то, что еще нужно лечить.

– Ты думаешь, это из-за этажа или же из-за того, что там

был мрамор? – спросил Тигр.

– Скорее всего, из-за мрамора, – проговорил Роуэн. – Как только ты достигаешь максимальной скорости, высота уже не играет роли.

– Я его разбил? Они заменяли плитки?

– Не знаю, Тигр. Это было здорово, но хватит об этом.

Тигр откинулся на подушку, чрезвычайно довольный собой.

– Самый крутой удар! Круче не бывало, – сказал он удовлетворенно.

Роуэн понял: ему хватило терпения, чтобы дожидаться пробуждения приятеля, но теперь, когда тот пришел в сознание, терпение иссякло.

– На кой черт ты это делаешь? – спросил он. – Я имею в виду, что это же время – коту под хвост.

Тигр пожал плечами.

– Мне нравится лететь вниз. Классное чувство. Кроме того, я должен постоянно напоминать предкам, что их салат все еще здесь.

Роуэн усмехнулся. Именно он придумал словосочетание «ребенок-салат», которое отлично описывало место, которое мальчишки занимали в своих семьях. Оба они – и Тигр, и Роуэн, – родились где-то посередине чреды своих сестер и братьев, были стиснуты ими со всех сторон и отнюдь не являлись любимцами родителей.

– Наша семейка – это сэндвич, – говорил Роуэн. – Парочка

моих братьев – это мясо; сестры – сыр и помидоры, а я, как мне кажется – листик салата.

Шутка прижилась, и Роуэн основал в школе клуб «Кочаны Айсберга», который теперь насчитывал две дюжины членов, хотя Тигр постоянно над ними подтрунивал и заявлял, что отколется и начнет «Революцию Латука».

Тигр принялся сигать из окон несколько месяцев назад. Роуэн тоже разок попробовал, и нашел боль от падения ни с чем не сравнимой. Но из-за этого он отстал в школе, и родители пригрозили ему самыми страшными карами, осуществление которых не состоялось – одно из преимуществ того, что в семье ты салат. В общем, удовольствие от падения не уравновешивало тех сложностей, которые у Роуэна возникли. Тигр же, напротив, стал настоящим фанатом падений. Даже зависимость возникла, как у наркомана.

– Ты бы подыскал себе другое хобби, приятель, – говорил Роуэн. – Первое восстановление ведь бесплатное, а остальные влетают твоим предкам в копеечку.

– Это точно! Но у них нет выбора; они ведь должны тратить на меня свои деньги.

– Может быть, они предпочли бы купить тебе машину?

Тигр покачал головой:

– Восстановление – обязателька, машина – по желанию. Если их не заставить тратиться, они и не будут.

С этим Роуэн поспорить не мог. У него самого не было машины, и он сомневался, что предки когда-нибудь ему ее ку-

пят. Все те же дешевые отмазки: посмотри на авто-такси – и чисто, и эффективно, и работает без водителя. Какой смысл тратиться на то, что тебе совершенно не нужно? А сами так и швыряли деньгами, только не в его направлении.

– Салат – грубая жратва, – сказал Тигр. – Если время от времени не вызывать у них расстройства желудка, никто на нас и внимания обращать не станет.

На следующее утро Роуэн лицом к лицу столкнулся со жнецом. Кое-кто говаривал, что время от времени видели его на районе. Но чтобы тот заявился прямо в школу!

Роуэн был сам виноват. Пунктуальность никогда не являлась его сильной стороной, а сейчас к тому же он обязан был по утрам эскортировать в школу всех своих многочисленных братишек и сестренек, и только потом, прыгнув в авто-такси, мчаться на уроки. Вот и сейчас: только приехал и направился к окну регистрации, когда из-за угла вышел жнец в развевающейся на ходу мантии цвета слоновой кости.

Однажды, путешествуя с семьей, Роуэн откололся от группы и встретился лицом к лицу с пумой. Примерно то же самое он чувствовал и сейчас: сердце подпрыгнуло и замерло, а низ спины и промежность налились тяжелой слабостью. Либо дерись, либо беги – так отреагировало тело. Но Роуэн не сделал ни того, ни другого. Он победил голос плоти и спокойно поднял вверх руки (он читал, что именно так нужно поступать в таких случаях), чтобы казаться выше ростом. Его уловка сработала, зверь отпрыгнул в сторону, а Роуэн,

таким образом, избавил себя от визита в местный восстановительный центр.

Сейчас, столкнувшись со жнецом, Роуэн испытал то же желание – поднять руки вверх и отпугнуть жнеца. Мысль показалась столь забавной, что он неожиданно для себя засмеялся – вот уж точно, как не следует поступать лицом к лицу со жнецом.

– Покажи мне дорогу в главный офис, – попросил его жнец.

Роуэн поначалу решил объяснить жнецу, как тому добраться до места, а самому улизнуть в обратном направлении, но потом счел, что так поступают лишь трусы.

– Я как раз туда иду, – сказал он. – Могу вас проводить.

Жнец оценит его готовность помочь, а заручиться симпатией жнеца не повредит.

Роуэн вел жнеца, сталкиваясь в коридоре с другими школьниками – кто-то из них, как и Роуэн, опаздывал, кто-то неся во весь дух выполнять поручение преподавателя. Когда жнец приближался к ним, они глупо тарасились и готовы были слиться со стеной. Теперь, когда вокруг в коридоре было столько напуганных глаз, сам Роуэн боялся значительно меньше, к тому же не мог не замечать, как уважительно смотрели на него его однокашники, ведь он был провожатым самого жнеца! Только когда они достигли главного офиса, стала ясной причина прихода жнеца в школу. Он явился на «жатву», и жертвой должен был стать один из соучеников

Роуэна.

Как только жнец вошел, все в офисе повскакивали с мест, и он не стал терять времени.

– Прошу немедленно вызвать в офис Кола Уитлока, – сказал он.

– Кола Уитлока? – переспросила секретарша.

Жнец не стал повторять своих слов, потому что был уверен, что секретарша расслышала все – она просто не хотела верить.

– Да, Ваша честь, немедленно вызываю.

Роуэн знал Кола. Черт побери, да в школе все знали Кола! Он учился в предпоследнем классе и поднялся до куотербека школьной команды. С ним они запросто впервые за все время существования школы станут чемпионами лиги.

Когда секретарша делала объявление по внутренней связи, голос ее явственно дрожал. Произнося имя Кола, она закашлялась и едва не задохнулась.

Жнец терпеливо ждал прибытия Кола.

Последнее, что Роун хотел бы сделать, так это восстановить против себя жнеца. Вообще-то ему давно пора было рвануть к окну регистрации, забрать свой пропуск и бежать в класс. Но, как и в случае с пумой, он решил не отступать. И это был момент, который изменил всю его жизнь.

– Вы собираетесь забрать нашего куотербека, нашу звезду, – проговорил Роуэн. – Надеюсь, вы понимаете, что это значит.

Лицо жнеца, столь дружелюбное мгновение назад, превратилось в надгробный камень.

– Не понимаю, почему ты должен вмешиваться, – сказал жнец.

– Вы пришли в мою школу, потому я и вмешиваюсь, – сказал Роуэн.

Затем чувство самосохранения в нем возобладало, и он засеменил к окну регистрации, где жнец его уже не увидит. Протянул записку от родителей, повторяя про себя вполголоса: «дурак, дурак, дурак». Ему очень повезло, что он не родился тогда, когда смерть была обычным, естественным делом – вряд ли он дожил бы до зрелых лет.

Выходя из главного офиса, Роуэн увидел, как жнец ведет Кола Уитлока в кабинет директора. Кол бросал по сторонам унылые взгляды. Директор сам, по своей воле, выскочил из кабинета, стал всматриваться в лица собравшихся учителей, словно ожидал прочесть в их наполненных слезами глазах объяснение тому, что происходит, но они только качали головами.

Роуэна, похоже, никто и не замечал. Кто обратит внимание на салат, когда тут собираются проглотить кусок говядины?

Он скользнул мимо директора, который успел лишь тронуть его за плечо.

– Сынок, ты ведь не хочешь туда идти, верно? – спросил он.

Конечно не хочет. Но он все-таки пошел и прикрыл за собой дверь.

Рабочий стол директора являл собой образец порядка и чистоты. Перед ним стояли два кресла; в одном сидел жнец, в другом, сгорбившись и всхлипывая, Кол. Жнец буквально прожег Роуэна взглядом. Настоящая *тума*, подумал Роуэн. Только эта действительно могла прервать твое существование навсегда.

– Его родителей здесь нет, – сказал Роуэн жнецу, объясняя свое присутствие. – А с ним обязательно кто-нибудь должен быть.

– Ты имеешь какое-то отношение к его семье?

– А это важно?

Кол поднял голову.

– Пожалуйста, пусть Рональд останется, – попросил он.

– Это Роуэн, – поправил его жнец.

Ужас на лице Кола стократ усилился, словно своей ошибкой он скрепил решенное дело.

– Я знал это! Знал! Я все знал!

Несмотря на свой рост и напускную храбрость, Кол был всего-навсего испуганным маленьким ребенком. Неужели мы все такими становимся в самом конце? Наверное, об этом знает только жнец, подумал Роуэн.

Вместо того чтобы отослать Роуэна, жнец сказал:

– Возьми стул, устраивайся поудобнее.

Пока Роуэн обходил стол директора, вытаскивал кресло

из-за стола и усаживался перед жнецом, его мучили вопросы: иронизирует ли жнец, воспринимать ли его слова как сарказм, или же он просто не знает, что устроиться поудобнее перед ним в принципе невозможно?

– Вы не можете лишить меня жизни, – умолял Кол. – Мои родители умрут. Просто умрут!

– Не умрут, – поправил его жнец. – Они будут жить, как жили.

– Вы что, не дадите ему несколько минут, чтобы приготовиться? – спросил Роуэн.

– Ты учишь меня исполнять мои обязанности? – ответил жнец вопросом на вопрос.

– Я просто взываю к вашему милосердию!

Жнец внимательно посмотрел на него, но теперь его взгляд был совершенно иным. Он не просто старался подавить взглядом любое сопротивление собственной воле – он словно пытался что-то вытащить из Роуэна. Взгляд его был изучающим.

– Я занимаюсь этим долгие годы, – проговорил жнец. – Если исходить из моего опыта, то быстрота и безболезненность во время «жатвы» и есть то самое милосердие, о котором ты говоришь.

– Тогда, по крайней мере, объясните ему, почему вы выбрали именно его! В чем причина?

– Да нет тут никакой причины, Роуэн! – сказал Кол. – Все это чисто случайно. Никакой долбаной причины!

Но в глазах жнеца мелькнуло нечто, что дало Роуэну понять, что выбор Кола в качестве жертвы случайным не был. Поэтому Роуэн и продолжал настаивать:

– Ведь есть какое-то основание для вашего выбора, не так ли?

Жнец вздохнул. Он не был обязан что-либо объяснять. В конце концов он был жнецом и во всех отношениях находился над законом, а потому ничего не должен был говорить о своих мотивах. Ничего и никому. Но все-таки решил сделать это.

– Если исходить из статистики Века Смертных и вывести за пределы уравниения людей преклонного возраста, то 7 процентов смертей обычно были сопряжены с использованием автомобиля. Из них 31 процент был вызван алкоголем, а из этих тридцати одного процента 14 процентов приходилось на тинейджеров.

Жнец взял со стола директора калькулятор и протянул Роуэну:

– Посчитай сам.

Набирая цифры, Роуэн старался не торопиться, зная, что для Кола сейчас каждая секунда – целая жизнь.

– 0,303 тысячных процента, – наконец произнес Роуэн.

– А это означает, – сказал жнец, – что этому профилю соответствуют трое из каждой тысячи душ, и их я забираю. Твой друг только что получил от родителей новую машину, за рулем он употребляет алкоголь. Я действительно делаю

произвольный выбор – но лишь из подростков с подобным профилем.

Кол спрятал лицо в ладонях, сквозь пальцы струились слезы.

– Я ИДИОТ!

Он так сильно прижимал ладони к глазам, словно пытался вдавить их глубоко в голову.

Роуэн сжался в своем кресле.

– Довольно, – произнес жнец. – Пора.

Из складок мантии он извлек небольшую пластину, которая удобно укладывалась на его ладони. Тыльная сторона пластины была покрыта чем-то вроде ткани, лицевая сияла металлическим блеском.

– Кол, я приготовил для тебя это: удар, который вызовет остановку сердца. Смерть мгновенная и безболезненная. Гораздо лучше, чем тот кошмар и страдания, которые ты пережил бы, если бы умер в автокатастрофе в Век Смертных.

Неожиданно Кол протянул руку, схватил Роуэна за ладонь и крепко сжал. Роуэн не сопротивился. Он не принадлежал к семье Кола, и до сегодняшнего дня они даже не были друзьями. Но как там говорится в пословице? «Перед лицом смерти все мы братья». А интересно, если бы в мире совсем никто не умирал, мы что, стали бы совсем одинокими? Роуэн тоже сжал руку Кола – молчаливое обещание не оставить того в последнее мгновение.

– Хочешь что-нибудь передать людям? – спросил Роуэн.

– Миллион всего, – ответил Кол. – Только никак не могу сообразить.

Роуэн решил, что сам за Кола поговорит с теми, кто его любил и кого любил он. Это будут нужные слова. Слова утешения. Роуэн сможет придать смысл бессмысленному.

– Боюсь, что тебе придется отпустить его руку, – сказал, обращаясь к нему, жнец.

– Нет, – покачал головой Роуэн.

– Тогда удар остановит и твое сердце, – предупредил жнец.

– Ну и что? – сказал Роуэн. – Меня же восстановят.

И добавил:

– Если, конечно, вы не собираетесь покончить и со мной.

Роуэн понимал, что провоцирует жнеца, и тот вполне может лишиться жизни и его. Но несмотря на риск, он был рад, что сделал так, как хотел.

– Хорошо, – сказал жнец и, ни секунды не раздумывая, прижал пластину к груди Кола.

В глазах Роуэна побелело, потом почернело. Его тело содрогнулось в конвульсии, он вылетел из кресла и ударился о стену. Для Кола все, вероятно, прошло безболезненно, но не для Роуэна. Боль была немилосердна, много сильнее, чем то, что способен вынести человек. Но постепенно содержащиеся в крови Роуэна микроскопические наночастицы стали выделять успокаивающие опиаты, боль начала ослабевать, зрение прояснилось, и Роуэн увидел, как жнец, склонившись

над лежащим в кресле телом Кола, прикрывает его невидящие глаза. Кол Уитлок был мертв.

Наконец жнец встал и протянул Роуэну руку, но тот не взял ее. Поднявшись с пола, Роуэн, хотя не испытывал никакой благодарности по отношению к жнецу, сказал:

– Благодарю вас за то, что позволили остаться с Колом.

Некоторое время жнец изучающе смотрел на него, а потом сказал:

– Ты рисковал собой ради юноши, которого едва знал. Ты пытался успокоить его в его смертный час, подвергнув себя боли удара. Ты вызвался стать свидетелем, хотя никто тебя об этом не просил.

Роуэн пожал плечами:

– Я сделал то, что сделал бы каждый.

– А что, были еще желающие? – спросил жнец, придвинувшись к нему. – Твой директор? Его подчиненные? Или кто-то из той дюжины учеников, что проходили мимо?

– Нет, – вынужден был признать Роуэн. – Но что из того, что я сделал это? Он же все равно мертв! И вы лучше меня знаете, что люди говорят о благих намерениях.

Жнец кивнул и взглянул на свое кольцо – такое увесистое, такое авторитетное!

– Я полагаю, ты попросишь меня об иммунитете? – спросил он.

Роуэн покачал головой:

– Мне ничего от вас не нужно.

– Справедливо, – сказал жнец, направился к двери, но, поколебавшись мгновение, повернулся к Роуэну.

– Хочу тебя предупредить, что, кроме меня, ты ни от кого не услышишь доброго слова за то, что сделал сегодня.

Помолчав, жнец добавил:

– И помни, что благими намерениями выстланы многие дороги. И не все они ведут в ад.

Удар был резким, как электрический разряд, и особенно потому, что Роуэн не ожидал его. Это случилось прямо перед ланчем, когда Роуэн стоял в раздевалке – этот удар бросил его на ряд шкафчиков, которые ответили гулом стального барабана.

– Ты был там, и ты не остановил жнеца!

Глаза Мары Павлик пылали горем и праведным негодованием. Казалось, своими длинными ногтями она сейчас проникнет в его ноздри и вырвет ему мозг.

– Ты просто позволил ему умереть!

Последний год Кол был бойфрендом Мары. Так же, как и он, Мара училась в предпоследнем классе, была личностью популярной, и при иных обстоятельствах вряд ли даже заговорила бы с таким мусором, как ученик второго класса. Но сегодня обстоятельства были экстраординарными.

– Все было не так, – успел сказать Роуэн, опередив Мару.

Кроме того, на этот раз он выставил руку и отвел удар. Мара сломала ноготь, но ей было наплевать. Смерть Кола

заставила ее забыть о пустяках.

– Все было *именно* так! – кричала она. – Ты и пошел туда, чтобы посмотреть, как он умирает.

Постепенно стали подходить другие, – как обычно делают люди, привлеченные ароматом конфликта. Роуэн попытался найти в толпе хоть одно сочувственное лицо, лицо того, кто мог бы встать на его сторону, но на физиономиях одноклассников было написано только отвращение. Мара и говорила, и наносила удары от имени всех, кто здесь собрался.

Это было полной неожиданностью. Не то чтобы Роуэн ждал дружеских похлопываний по плечу за то, что разделил с Колом последние мгновения его жизни. Но на такие бессмысленные обвинения он совсем не рассчитывал.

– Вы что, чокнулись? – закричал Роуэн на Мару и всех стоящих позади нее. – Никто не может запретить жнецу заниматься его работой.

– А мне плевать! – вопила Мара. – Ты мог хоть что-нибудь сделать, но стоял и просто смотрел.

– Я сделал кое-что. Я... я держал его за руку.

Мара толкнула Роуэна на шкафчики с такой силой, которой он от нее никак не ожидал.

– Ты врешь! Он никогда не протянул бы тебе руки. Он бы до тебя даже не дотронулся.

Потом добавила:

– Это я должна была держать его за руку!

Стоящие вокруг хмурили брови и шептались, но доста-

точно громко для того, чтобы Роуэн услышал то, что они говорили.

– Он шел по коридору со жнецом так, словно они лучшие друзья.

– Они и в школу вместе пришли.

– Да он советовал жнецу, кого забрать.

– Кое-кто мне говорил, что он даже помогал жнецу.

Роуэн бросился к ученику, высказавшему последнее обвинение – Ральфи, кажется.

– От кого ты слышал? – крикнул он. – В комнате никого не было, дебил!

Но это не играло никакой роли. У сплетни своя логика, не общепринятая.

– Ты слышишь? – настаивал Роуэн. – Я не помогал жнецу. Я помогал Колу.

– Ну да, побыстрее отправиться в могилу, – усмехнулся кто-то, и все одобрительно хмыкнули.

Бессмыслица какая-то! Он был осужден и приговорен, и чем больше он все отрицал, тем сильнее они были убеждены в его вине. Им не нужна была его храбрость; они довольствовались одним лишь объектом для обвинений. Объектом ненависти. Они не могли излить свой гнев на жнеца, зато Роуэн Дэмиш был отличной мишенью.

– Наверняка он получил за это иммунитет, – сказал один из друзей Роуэна.

– Ничего я не получал!

– Вот и отлично, – проговорила Мара голосом, полным презрения. – Тогда, я надеюсь, следующий жнец придет за тобой.

Роуэн знал – она говорит искренне. И не только под влиянием момента. Если в следующий раз жнец действительно придет за ним, она будет рада известию о его смерти. Это была отрезвляющая мысль – знать, что в этом мире существуют люди, которые страстно желают, чтобы ты умер. Но к чему приведут подобные мысли? В конце концов эта враждебность живет только в стенах школы, и больше нигде.

Только теперь смысл предупреждения, сделанного жнецом, дошел до Роуэна. Никто не погладит его по головке за то, что он сделал для Кола. Жнец оказался прав, и Роуэн ненавидел его за это – так же сильно, как остальные школьники ненавидели Роуэна.

2024 год. Год, про который знает каждый школьник. Это был год, когда мощь вычислительной техники стала безграничной. По крайней мере никто уже не был в состоянии ее измерить. В этом году мы узнали... мы узнали все. «Облако» превратилось в «Гипероблако», и все известное и неизвестное сконцентрировалось там – доступное для любого, кто хотел получить доступ.

Но, как это происходит и со всем прочим, как только мы овладели бесконечным знанием, оно утратило свою важность. Стало менее насущным. Конечно, у нас есть ученые,

которые штудируют то, что мы уже знаем. Но в чем цель этих штудий? Раньше люди учились и изучали мир для того, чтобы улучшить и мир, и собственную жизнь. Но совершенный мир не нуждается в улучшении. Как и почти все, чем мы заняты, учеба – от начальной школы до высших академических степеней – есть для нас просто способ занять себя.

В 2042 году мы победили смерть и перестали считать годы. Нет, несколько десятилетий мы еще вели им счет, но потом перестали: для бессмертных время не имеет значения.

Не помню точно, как и почему мы перешли на китайский календарь – год Собаки, год Козла, год Дракона и так далее. Не помню также, когда по всему миру активисты движения в защиту животных стали отстаивать права своих любимых видов, добавив в список летоисчисления год Выдры, год Кита и год Пингвина. И не могу также сказать, когда было решено избегать повторений и каждый год именовать животным, еще не встречавшимся в перечне лет. Все, что я наверняка знаю, так это то, что сейчас у нас год Оцелота.

Что же до того, что я *не* знаю, то любой желающий может посмотреть это в «Гипероблаке».

– Из журнала жнеца Кюри.

Глава 3

Сила судьбы

Приглашение Ситре пришло в начале января. Пришло обычной почтой – первый симптом того, что дело выходит за рамки обычного. Так приходили только три типа отправлений: посылки, официальные письма и письма от всяких чудиков – единственных людей, которые все еще писали письма. Похоже, это письмо относилось к третьему разряду.

– Ну открой же! – потребовал Бен, гораздо более взволнованный бледно-желтым конвертом, чем Ситра. Адрес был написан от руки, что делало происходящее еще более странным. Каллиграфия в школах преподавалась элективным курсом, но среди знакомых Ситры не было ни одного, кто его когда-либо выбирал. Она вскрыла конверт и достала карточку такого же цвета. Прежде чем прочесть ее вслух, она пробежалась по тексту глазами.

Ваше присутствие в Большой городской опере девятого января в 7 часов вечера доставило бы нам огромное удовольствие.

Ни подписи, ни обратного адреса. Кроме карточки, в конверте лежал билет. Один-единственный

– Опера! – разочарованно протянул Бен. – Вот еще! Такому не возразишь!

– Возможно, какое-нибудь школьное мероприятие? – предположила мать.

Ситра покачала головой:

– Тогда так бы и написали.

Мать взяла приглашение и конверт, чтобы внимательно рассмотреть.

– Ну что же, – сказала она. – Что бы это ни было, это интересно.

– Это какой-нибудь неудачник. Боится открыто подойти и пригласить меня на свидание, вот и придумал.

– Собираешься пойти? – спросила мать.

– Мама, если парень приглашает меня в оперу, то он либо шутит, либо спятил.

– А может, он просто пытается произвести впечатление.

Ситра хмыкнула и пошла прочь из комнаты. Любопытство разбирало ее до такой степени, что она даже забеспокоилась.

– Не пойду и не собираюсь! – крикнула она из своей комнаты, уже зная, что обязательно пойдет.

Большая городская опера была одним из тех мест, куда люди, имевшие хоть какую-то значимость в городе, стремились попасть, чтобы показать себя. Среди собравшихся на любое представление только половина приезжала насладиться музыкой и пением. Остальные же являлись, чтобы принять участие в великой мелодраме движения вверх по социальной и карьерной лестнице. Об этом знала даже Ситра, не

имевшая никакого отношения к этим людям.

Она надела платье, которое купила для прошлогоднего бала выпускников, пребывая в полной уверенности, что Хантер Моррисон пригласит ее, Ситру. А он пригласил Захарию Суэйн, и о том, что это случится, знали все, но только не Ситра. Они все еще были парочкой, и Ситра до сегодняшнего дня не надевала этого платья.

Надев его, она обрадовалась сильнее, чем ожидала. Девочки-подростки быстро меняются, и теперь это платье шло ей гораздо больше, чем в прошлом году, когда при взгляде в зеркало желаемое упрямо выдавалось за действительное.

Обдумывая приглашение, она пыталась свести к минимуму число возможных поклонников. Это мог быть кто-нибудь из пятерых известных ей претендентов, но только с двоими из них она могла бы провести вечер по-настоящему приятно. Трех оставшихся она могла бы вынести разве что из-за чувства новизны. В конце концов, изображая надменность, тоже можно получить немало удовольствия.

Отец захотел подбросить ее.

– Позвони, когда соберешься уезжать, – сказал он, когда они добрались до Оперы.

– Я возьму авто-такси.

– В любом случае позвони.

В десятый раз услышав от отца, что выглядит очаровательной, Ситра вышла из машины, а отец поехал дальше, освободив место для подъезжавших по очереди лимузи-

нов и «Бентли». Глубоко вдохнув, Ситра направилась вверх по мраморным ступеням, чувствуя себя Золушкой, впервые приехавшей на бал.

Входя в зал, она ожидала, что ее направят либо в партер, либо на балкон, но билетер, стоящий на входе, внимательно посмотрел на билет, потом на Ситру, вновь на билет, а затем кликнул второго билетера, который должен был лично проводить ее.

– В чем дело? – спросила Ситра. Первой ее мыслью было: это поддельный билет, и сейчас ее проводят к выходу. Вполне возможно, что все это – злая шутка, и она уже перебирала в уме список возможных шутников.

Но второй билетер объяснил:

– Персональный эскорт обязателен для зрителей, предъявивших билет в ложу, мисс.

Ситра знала, что места в ложе – это верх избранности. Такие места предназначались только для элиты, которая не желала сливаться с массой простого народа. Обычные люди не могли себе позволить купить билет в ложу, а если и могли, то все равно доступ туда им был закрыт. Следуя по стопам своего спутника вверх по узкой лестнице, ведущей к левым ложам, Ситра почувствовала страх. Она не знала никого, у кого достало бы денег купить билет в ложу. А вдруг приглашение пришло к ней по ошибке? А если Ситру действительно ждет какая-то важная персона, то каковы его или ее намерения?

– Мы пришли.

Билетер отодвинул портьеру, закрывающую вход в ложу, и Ситра увидела сидящего там юношу примерно своего возраста. У него были черные волосы и кожа, чуть тронутая веснушками. Увидев Ситру, юноша встал, и она заметила, что брюки у его костюма слегка коротковаты и открывают носки чуть больше положенного.

– Привет, – сказала Ситра.

– Привет.

Билетер оставил их одних.

– Твое место – то, что ближе к сцене, – сказал юноша.

– Спасибо! – сказала Ситра, пытаясь понять, кто бы это мог быть и почему он пригласил ее сюда. Этот юноша был ей незнаком. Должна ли она его знать? Может ли она сказать, что не знакома с ним, или лучше держать язык за зубами?

Затем, без всякой на то причины, юноша сказал:

– Спасибо!

– За что?

Он протянул Ситре приглашение – такое же, какое получила она.

– Я не очень люблю оперу, – сказал он, – но уж лучше сидеть здесь, чем бездельничать дома. А мы... мы знакомы?

Ситра громко рассмеялась. Оказывается, нет у нее никакого таинственного поклонника; их свидание организовал кто-то третий. И тут же Ситра принялась составлять в уме еще один список, на вершине которого были ее собственные родители. Может быть, это сын кого-то из их друзей? Но та-

кая уловка взрослых показалась Ситре слишком уж примитивной.

– А что тут смешного? – спросил юноша, и Ситра показала ему свое приглашение. В отличие от нее юноша не засмеялся. По лицу его пробежала тень беспокойства, причины которого он Ситре не открыл.

Он представился:

– Я Роуэн.

Как только они пожали друг другу руки, свет погас, занавес поднялся и раздались первые сочные аккорды увертюры, помешавшие им продолжить разговор. Давали «Силу судьбы» Верди, но было очевидно, что Ситру и ее визави свела в оперной ложе не судьба, а чья-то рука, руководствовавшаяся неким планом.

Богатая мелизмами прекрасная музыка лилась свободно и широко, но Ситре она казалась чересчур обильной пищей. А сама история, извивы которой можно было отслеживать и без знания итальянского, плохо резонировала с ее жизнью и интересами – как и интересами ее соседа по ложе. В конце концов, эта музыка досталась им в наследство от Века Смертных. Война, месть, убийство – все темы, образующие тело рассказываемой истории, – были столь далеки от современности, что лишь немногие из присутствующих могли их понять. Единственная сюжетная линия, которая могла бы вызвать катарсис в душах Ситры и Роуэна, была линия любви; но в молодых людях, едва-едва знакомых друг с другом,

рассказ о любовных отношениях вызвал не катарсис, а лишь чувство неловкости.

– И кто, как ты думаешь, нас пригласил? – спросила Ситра, когда в первом антракте зажегся свет. Роуэн, как и она, не знал ответа на этот вопрос, поэтому они стали складывать те скудные сведения, которыми располагали, чтобы выстроить мало-мальски правдоподобную версию. Кроме того, что обоим было по шестнадцать, общего у них не было практически ничего. Ситра жила в городе, Роуэн – в пригороде. Ее семья была маленькой, его – большой. Профессии у родителей оказались совершенно разными.

– А какой у тебя генетический индекс? – спросил Роуэн. Это был очень личный вопрос, но, возможно, отгадка крылась именно здесь?

– 22–37–12–14–15.

Роуэн улыбнулся:

– Африканская составляющая тридцать семь процентов! Поздравляю! Это впечатляет.

В свою очередь, Роуэн сообщил, что его индекс – 33–13–12–22–20. Ситра хотела спросить, знает ли он субиндекс своего параметра, обозначаемого как «прочие», потому что цифра 20 – это очень много. Но если он не знает, не смутит ли его вопрос?

– Смотри, – произнес он, – паназиатская составляющая у нас обоих 12 процентов. Может быть, в этом причина?

Однако Роуэн просто хватался за соломинку; одинаковый

процент в этом параметре генетического индекса был просто совпадением.

Но ближе к концу антракта ответ на мучивший их обоих вопрос сам возник у них за спинами.

– Хорошо, что вы познакомились, – раздался голос сзади.

Хотя с момента их встречи прошло несколько месяцев, Ситра сразу же узнала вошедшего в ложу. Досточтимого жнеца Фарадея так скоро не забудешь.

– Это вы? – спросил Роуэн с такой злостью в голосе, что Ситра поняла – тот тоже встречался со жнецом.

– Я бы приехал раньше, – проговорил жнец, – но возникли неотложные дела.

Он не стал вдаваться в подробности, и Ситра была этому рада. И тем не менее особого удовольствия от прихода жнеца она не ощущала.

– Вы пригласили нас на «жатву», – сказала она.

Это не было вопросом; Ситра была убеждена, что это именно так. Но тут Роуэн произнес:

– Не думаю, что мы здесь для этого.

Жнец Фарадей не предпринял ничего, что напоминало бы приготовления к «жатве». Вместо этого он подвинул пустое кресло и сел рядом с Ситрой и Роуэном.

– Ложу мне предложила директор театра. Люди думают, если они что-то предлагают жнецам, это может их спасти. Я и не собирался забирать ее, но теперь она будет думать, что ее подарок сыграл свою роль.

– Люди верят в то, во что хотят верить, – произнес Роуэн с такой убежденностью в голосе, что Ситра поняла – он знает, о чем говорит.

Фарадей повел рукой в сторону сцены.

– Сегодня мы лицезим сцены людской глупости и трагедии в театре, – сказал он. – Завтра нам предстоит пережить это в действительности.

Не успел он объяснить, что имел в виду, как занавес поднялся и начался второй акт.

* * *

В течение двух месяцев Роуэн жил в школе на положении парии – отверженного и выброшенного прочь. Хотя с разными учениками и по разным поводам такого рода вещи случались, всеобщее негодование со временем ослабевало, и бойкот снимался. Но в случае с гибелью Кола Уитлока этого не произошло. Каждый футбольный матч втирал новую порцию соли в рану школьной спортивной коммуны, а поскольку все эти матчи школа проигрывала, то боль от потери куотербека только усиливалась. Роуэн никогда не пользовался особым вниманием со стороны соучеников, хотя не бывал и объектом насмешки. Теперь же на него нападали и били регулярно. Его сторонились, и даже друзья избегали Роуэна – Тигр не был исключением.

– Меня тоже обвиняют, поскольку мы друзья, – сказал

Тигр. – Я тебе сочувствую, но у меня своя жизнь, приятель.

– Как скверно все обернулось, – сказал директор, когда Роуэн в очередной раз пришел в медпункт во время обеденного перерыва, чтобы залечить свежие синяки. – Может быть, тебе поменять школу?

Наконец однажды Роуэн сдался. Он вскочил на стол в кафетерии и произнес то, что все хотели от него услышать. Они ведь так хотели поверить в ложь, и они ее получают.

– Тот жнец – мой родной дядя, – заявил он. – Это я *предложил* ему уничтожить Кола Уитлока.

Естественно, соученики Роуэна поверили каждому его слову. Они разбушевались и принялись швырять в него еду со столов. И тогда он прокричал:

– Я хочу вам сказать, что мой дядя скоро вернется, и он попросил меня выбрать следующего кандидата.

Неожиданно еда перестала летать по залу, злобные взгляды потухли, а позже – чудесным образом – прекратились и нападения. Пустота же была заполнена... пустотой.

Теперь никто не рисковал встретиться с Роуэном взглядом. Даже его учителя. Некоторые же из них вообще принялись ставить ему отличные оценки там, где он заслуживал только хорошие или удовлетворительные. Роуэн стал чувствовать себя призраком, существующим в искусственно созданной пустыне, в которую превратилась его жизнь.

Дома же все текло по-прежнему. Отчим полностью отстранился от проблем Роуэна, а мать была слишком занята

разными важными мелочами, чтобы у нее оставалось время на сына. Они знали, что произошло в школе, но, не желая утруждать себя, следовали обычной родительской «мудрости»: если проблемы ребенка решить невозможно, они перестают быть проблемами.

– Я хочу перевестись в другую школу, – сообщил Роуэн матери, решив внять советам директора.

Реакция матери была до боли нейтральной.

– Ну что ж, – кивнула она, – если тебе это кажется правильным...

Роуэн был почти убежден: скажи он матери, что рвет все связи с нормальными людьми и уходит к тоновикам, она промолвила бы:

– Ну что ж, если тебе это кажется правильным...

Поэтому, когда пришло приглашение в оперу, Роуэну было наплевать, кто его прислал. Что бы это ни было, это явилось спасением – по крайней мере на вечер.

Девушка, которую он встретил в ложе, была довольно мила. Хорошенькая, уверенная в себе – наверняка у нее уже есть бойфренд, хотя она ни словом о нем не обмолвилась. Потом пришел жнец, и мир Роуэна вновь погрузился во тьму. Именно этот человек нес ответственность за все его несчастья последних месяцев. Если бы это помогло, он бы вытолкнул жнеца за перила ложи, вниз; но нападения на жнецов были чреваты необратимыми последствиями: уничтожалась вся семья нападавшего. Только так можно было обеспечить

безопасность тех, кто приносил людям смерть.

Когда опера закончилась, жнец Фарадей протянул им по карточке и дал предельно четкие инструкции:

– Мы с вами встретимся по тому адресу завтра утром, ровно в девять.

– А что мы должны сказать нашим родителям по поводу сегодняшнего вечера? – спросила Ситра, родителям которой, как понял жнец, было не все равно.

– Что пожелаете нужным. Это не имеет никакого значения – лишь бы мы встретились завтра.

По данному Ситре и Роуэну адресу находился Музей мирового искусства, самый красивый музей города. Он открывался в десять, но стоило жнецу показаться на ступенях, ведущих к главному входу, как охранник открыл двери и, не задавая вопросов, впустил всех троих.

– Еще одно преимущество моей работы, – сказал жнец Фарадей.

Они шли через галереи старых мастеров в молчании, нарушаемом лишь звуком их шагов да замечаниями, которые жнец делал по поводу висящих по стенам шедевров:

– Взгляните, как Эль Греко использует искусство контраста для пробуждения страстного желания!

– Посмотрите, насколько более ярким становится изображенный сюжет у Рафаэля, когда он добавляет текучести движению.

– О! Это великий пророк Сёра! Изобрел пуантилизм за целый век до появления пикселя.

Роуэн первым задал главный вопрос:

– Какое отношение все это имеет к нам?

Жнец Фарадей вздохнул, не скрывая легкой раздраженности, хотя, вероятно, он ожидал этого.

– Я даю вам уроки, – сказал он, – которых вы точно не получите в школе.

– Что же, – проговорила Ситра, – получается, что вы вытаскивали нас сюда, чтобы преподать уроки истории живописи? Это же непозволительная трата вашего драгоценного времени.

Жнец рассмеялся, и Роуэн пожалел, что это не он развеял Фарадея.

– И что вы успели усвоить? – спросил жнец.

Никто не ответил, и тогда Фарадей задал другой вопрос:

– По какому пути пошел бы наш разговор, если бы я привел вас в современную галерею, а не сюда, где собраны полотна Века Смертных?

Роуэн решил рискнуть:

– Наверное, мы говорили бы о том, насколько глазу легче воспринимать живопись бессмертных. Легче и... не так беспокойно.

– А как насчет вдохновения? Где его больше?

– Это вопрос выбора, – сказала Ситра.

– Возможно, – согласился жнец. – Важно то, что перед

нами – искусство обреченных на смерть, и я хочу, чтобы вы прониклись их чувствами.

И он провел их в следующую галерею.

Хотя Роуэн и думал, что картины не произведут на него никакого впечатления, он ошибался.

В следующем зале картины закрывали стены от пола до потолка. Роуэну они не были знакомы, но это не имело значения. Во всех висящих здесь работах присутствовало нечто общее – и если они не были написаны одной рукой, то одна и единая душа, совершенно определенно, чувствовалась во всех полотнах. Некоторые картины были на религиозную тему, некоторые являлись портретами, на иных рука мастера запечатлела ускользающий свет ежедневного бытия с живостью, которой лишено было искусство Эпохи Бессмертных. Желание и воодушевление, горе и радость – все жило и играло на развешанных по стенам холстах, иногда сливаясь в единую эмоцию в рамках единого произведения. Иногда это тревожило, но было чрезвычайно убедительно.

– Мы можем побыть здесь подольше? – спросил Роуэн, вызвав своим вопросом улыбку на устах жнеца.

– Конечно.

Ко времени, когда они закончили осмотр, музей уже открылся, и по залам бродили посетители. Увидев жнеца в сопровождении юноши и девушки, они сторонились, и это напало на Роуэну школу. Ситра по-прежнему не догадывалась, зачем Фарадей вытащил их в музей, но к Роуэну поне-

многу приходило понимание.

Жнец пригласил их в ресторан, где официантка немедленно принесла им меню и принялась обслуживать вне очереди, забыв про остальных посетителей. Еще одно преимущество. Роуэн заметил, что после того как они вошли, новых посетителей и не было. Вероятно, когда они соберутся уходить, ресторан совершенно опустеет.

– Если вы хотите, чтобы мы сообщали вам нечто об известных нам людях, – сказала Ситра, – то мне это неинтересно.

– Я сам собираю всю необходимую мне информацию, – покачал головой Фарадей. – И вы не нужны мне в качестве информаторов.

– Но для чего-то мы вам нужны, не так ли? – спросил Роуэн.

Жнец не ответил. Вместо этого он заговорил про население мира и возложенные на жнецов задачи – если не сокращать его, то по крайней мере поддерживать в разумных пропорциях.

– Соотношение количества людей и способности «Гипероблака» к производству всего необходимого для них требует регулярной «жатвы», – объяснил он. – Чтобы обеспечить это соотношение, нам нужно больше жнецов.

Затем из кармана, спрятанного в складках мантии, он извлек кольцо жнеца, подобное тому, которое носил сам. Камень сверкнул отраженным светом, преломил его в своих

глубинах, оставив, тем не менее, непроницаемым ядро.

– Три раза в году мы, жнецы, собираемся на большую ассамблею, именуемую конклавом. Там мы обсуждаем ход «жатвы», решаем, требуются нам в том или ином округе дополнительные жнецы или нет.

Ситре захотелось исчезнуть в глубинах своего кресла. Она наконец поняла.

Хотя Роуэн уже подозревал нечто подобное, увидев кольцо, он тоже вжался в кресло.

– Камни на кольцах, которые мы носим, были сделаны первыми жнецами в самом начале Эпохи Бессмертных, – сказал Фарадей. – Именно тогда общество осознало, что естественную смерть придется заменить искусственной. Было сделано гораздо больше камней, чем требовалось в те годы, поскольку основатели сообщества жнецов были мудрыми людьми и предвидели потребность в новых жнецах. При возникновении необходимости камень вставляют в золотую оправу и передают новому кандидату.

Жнец повертел кольцо в руке, разглядывая камень и посылая преломленные в нем лучи света по углам комнаты. Потом посмотрел в глаза своим собеседникам – сначала Ситре, потом Роуэну.

– Я только что вернулся с зимнего конклава, где мне вручили кольцо, чтобы я мог взять себе ученика.

Ситра покачала головой:

– Пусть это будет Роуэн. Мне неинтересно.

Роуэн повернулся к Ситре, жалея, что опоздал со своим высказыванием.

– Почему это ты думаешь, что учеником должен стать я?

– Я избрал вас обоих! – сказал Фарадей, повысив голос. – Вы оба овладеете искусством. Но в конце кольцо получит только один. Другой или другая вернется к обычной жизни.

– Почему же мы должны состязаться за то, чего ни один из нас не хочет? – спросила Ситра.

– В этом парадокс профессии, – ответил жнец. – Тот, кто желает этим заниматься, никогда не станет жнецом. Только тем, кому более всего претит лишать жизни, поручают эту работу.

Он убрал кольцо, и Роуэн, только сейчас осознав, что держал его в руках, перевел дыхание.

– Вы оба сотканы из моральной ткани высочайшего качества, – продолжал Фарадей. – И я надеюсь, что те высокие принципы, которые вы исповедуете, побудят вас стать моими учениками – не по принуждению, а по вашему собственному выбору.

Затем он встал и вышел, не платя по счету, – никто и никогда не предъявлял счет жнецу.

Ничего себе! Сначала решил поразить их высотами культуры, а потом попытался втянуть в свои делишки! Да никогда, ни при каких обстоятельствах Ситра не променяет свою жизнь на жизнь жнеца!

Вернувшись вечером домой, Ситра все рассказала родителям. Отец обнял ее, и Ситра расплакалась у него на плече – так ее потрясло сделанное ей предложение. А потом мать сказала то, что Ситра никак не ожидала услышать.

– Ты согласна?

Сам факт, что мать задала этот вопрос, потряс Ситру не меньше, чем предложенное ей утром кольцо жнеца.

– Что? – спросила она.

– Я знаю, – сказал отец, – это непростой выбор. Но мы поддержим тебя, что бы ты ни решила.

Ситра посмотрела на родителей так, словно видела их первый раз в жизни. Неужели они знают ее так плохо, что допускают, что она может стать ученицей жнеца? Ситра даже не знала, что и сказать на это.

– А вы хотите, чтобы я... чтобы я стала жнецом? – спросила она, заранее ужасаясь их ответу.

– Мы хотим того же, чего хочешь ты, моя милая, – ответила мать. – Но посмотри на это под другим углом: жнец ни в чем не нуждается, все твои желания и нужды будут удовлетворены, и ты никогда не станешь жертвой жнеца.

И вдруг новая мысль пришла Ситре в голову:

– Но и *вам* тогда не придется об этом беспокоиться... Семья жнеца пользуется иммунитетом до тех пор, пока жнец жив.

Отец покачал головой:

– Речь идет вовсе не о нашем иммунитете.

Ситра поняла, что он говорит правду.

– Но, если не о вашем, тогда... тогда об иммунитете для Бена, – сказала она.

На эти ее слова родители не сказали ничего. До сих пор их посещали черные воспоминания о неожиданном вторжении в их дом жнеца Фарадея. Они же не знали тогда, зачем к ним явился жнец. Вполне мог забрать Бена или Ситру. Но теперь, если Ситра станет жнецом, им не нужно будет бояться неожиданных посетителей.

– И вы хотите, чтобы я всю жизнь убивала людей?

Мать отвернулась.

– Прошу тебя, Ситра, подумай как следует, – сказала она. – Это ведь не убийство, а «*жатва*». Это важное дело. Необходимое. Конечно, никому оно не нравится, но все согласны с тем, что делать его нужно. И если кто-то этим должен заниматься, то почему не ты?

Ситра легла в постель раньше обычного, еще до ужина – ее аппетит был напрочь убит бурными переживаниями дня. Родители несколько раз подходили к комнате дочери, но она отсылала их.

До этого дня Ситра не задумывалась о том, какую дорогу в жизни она изберет. Собиралась поступить в колледж, получить какую-нибудь приятную во всех отношениях профессию, найти хорошее место, встретиться с каким-нибудь милым парнем, жить с ним уютной, но ничем особо не примечательной жизнью. Не то чтобы она стремилась к такому

существованию, – просто ничего иного она не ожидала. Так жили все. Не имея особых, выходящих за рамки обыденности, желаний, все просто поддерживали свое существование. Времени для этого хватало – целая вечность.

Нашла бы она более значительный смысл жизни – в работе жнеца? Ответом все еще было решительное «Нет!».

Но если так, почему она никак не может заснуть?

Для Роуэна решение было не таким мучительным и сложным. Да, ему была ненавистна сама мысль о том, что он может стать жнецом. Но еще более претила ему идея, что жнецом может стать кто-нибудь другой, кого он знает. Нет, он не считал, что в моральном отношении превосходит кого-либо из окружающих; но в нем было развито острое чувство сопереживания. Он с глубокой симпатией относился к другим людям – более даже, чем к самому себе. Именно это чувство бросило его в кабинет директора, когда жнец увел туда Кола. Это же чувство приводило его к постели Тигра каждый раз, когда тот бросался из окна.

И Роуэн уже знал, что чувствует жнец – одинокий, оторванный от остального мира. Именно такой жизнью Роуэн и жил последнее время. Но сможет ли он жить так вечно? Хотя, вероятно, все будет иначе. Ведь жнецы собираются вместе. Три раза в году у них проходят конклавы, где они могут и подружиться друг с другом. И это, между прочим, самый элитный на земле клуб. Нет, он не хотел становиться его

членом, но он был призван. Это могло бы лечь на его плечи тяжелым бременем. Но в этом – и честь, и почет профессии.

Родителям он ничего не сказал, чтобы они не повлияли на его решение. Иммуитет для всей семьи? Конечно же они станут настаивать, чтобы он принял предложение Фарадея. Роуэна любили, но без особого пыла, только как одного из всех. И если он пожертвует собой ради семьи, всем им станет лучше.

В конце концов последнее слово осталось за искусством. Утренние холсты великих мастеров заполняли сновидения Роуэна и не оставляли его всю ночь. Какой была жизнь в Век Смертных? Полной страстей – и добрых, и злых. Страх рождал веру. Отчаяние придавало смысл восторгу. Говорят, тогда и зима была холоднее, а лето – жарче.

Над жившим тогда человеком простиралось вечное, непознанное небо, внизу лежала черная, всепоглощающая земля, а впереди со всей трагической неизбежностью его ждала смерть. Именно поэтому, вероятно, жившие тогда люди испытывали особые, грандиозные ощущения, нашедшие столь великолепное воплощение в их живописи. С тех пор никто не создал ничего, равного по ценности искусству Века Смертных. Но если он, Роуэн, став жнецом, сможет вернуть в этот мир хоть намек на то, что было раньше, его жизнь будет растрачена не зря.

Найдет ли он в себе силы, чтобы уничтожить другое человеческое существо? И не одно, а много, день за днем, год за

годом – до тех пор, пока его собственная жизнь не сольется с вечностью. Жнец Фарадей считает, что он на это способен.

На следующее утро, перед тем как уйти в школу, Роуэн сообщил матери, что жнец предложил ему пойти в ученики, а потому он больше не будет посещать школу. Мать сказала:

– Ну что ж, если тебе это кажется правильным...

Сегодня я проходила процедуру культуро-параметрического аудита. Его устраивают нам раз в году, и это всегда – стресс. В этом году аудиторы проанализировали каждый индекс культуры у тех, кого мы «собрали» за прошедшие двенадцать месяцев, и, слава богу, у меня вышло как раз то, что нужно:

20 % – европеоиды,

19 % – африканеры,

20 % – паназиаты,

19 % – мезолатины,

23 % – прочие

Иногда определить культурный индекс крайне сложно. Личный индекс – вещь интимная, а потому мы можем считать его только по видимым признакам, которые сейчас не настолько очевидны, как это было у прошлых поколений. Когда показатели у жнеца отклоняются в ту или иную сторону, Высокое Лезвие накладывает на него или нее меры дисциплинарного воздействия и в течение следующего года самолично предписывает распорядок «жатвы» – то, чем обыч-

но каждый жнец занимается в одиночку. Как правило, это воспринимается как позор.

Индекс призван поддерживать в мире культурное и генетическое равновесие, но разве при этом мы учитываем все дестабилизирующие факторы? Например: кем было решено, что приоритет следует отдавать европеоидам?

– Из журнала жнеца Кюри.

Глава 4

Убийство в учебных целях: разрешение

*Забудь то, что ты раньше знала о жнецах.
Оставь свои предрассудки в прошлом. Твое обучение
начинается сегодня.*

Ситра поверить не могла, что она действительно ввязалась в это. Какая тайная, разрушительная часть ее личности забрала волю над всей ее жизнью? Что вдруг овладело ей и заставило принять ученичество? Назад дороги нет. Вчера, на третий день Нового года, жнец Фарадей пришел к ним домой, наделил иммунитетом ее брата и отца, а также на несколько месяцев продлил срок иммунитета для матери – чтобы их сроки закончились одновременно. Конечно, если Ситра станет жнецом, их иммунитет примет постоянный статус.

Когда Ситра покидала дом, родители не сдерживали слез. Ситра не знала, были ли это слезы печали, радости или облегчения. Возможно, комбинация всех трех чувств одновременно.

– Мы всегда знали, что ты свершишь в этом мире нечто великое, – сказал отец. А Ситра подумала: неужели в том, чтобы лишить другого человека жизни, есть некое величие?

Не будьте самонадеянными, не считайте, что вам дана лицензия на «жатву». Лицензия принадлежит мне и только мне. У вас есть... скажем так: временное ученическое разрешение. Вместе с тем, вы обязаны присутствовать на всех этапах, когда я занимаюсь «жатвой». И если я попрошу вас ассистировать мне, вы не имеете права отказаться.

Ситра без особых церемоний ушла из школы и бегло попрощалась с друзьями. Последние разговоры были пропитаны чувством неловкости.

– Не то чтобы я совсем пропаду; просто не буду ходить в школу.

Но кого она обманывала? Принятие ученичества ставило ее по ту сторону непроницаемой стены. Жизнь теперь пойдет своим путем, она – своим. И это ощущение было, с одной стороны, удручающим, а с другой – взывало к новым силам. Ситра понимала: быть жнецом означало быть живым мертвецом. Быть в мире и одновременно существовать вне его. Жнец – свидетель прихода и исхода поколений.

Мы выше закона, но это не означает, что законом мы пренебрегаем. Наша работа требует моральных принципов, выходящих далеко за пределы правовых норм. Неподкупность и честность – норма нашей жизни, и мы обязаны ежедневно сверять с этой нормой все наши мотивы и поступки.

Хотя Ситра не носила кольца, ей вручили нарукавную по-

вязку, чтобы было ясно: она – ученик жнеца. Такая же повязка была у Роуэна: ярко-зеленая ткань, на которой были изображены изогнутое лезвие фермерской косы и немигающее око – двойной символ жнеца. Этот символ будет переведен в татуировку на руке избранного жнецом ученика. Не каждый видит эту татуировку, поскольку на людях жнец никогда не появляется без мантии.

Ситра знала, что выход у нее есть. Она может не справиться с работой. Может быть плохим учеником. Может в конце концов провалить все задания, и тогда в конце года жнец Фарадей вернет ее родителям, а выберет жнецом Роуэна. Проблема, правда, состояла в том, что Ситра никогда не могла работать спустя рукава. Для нее гораздо сложнее было завалить дело, чем исполнить его на «отлично».

Я не допущу между вами никаких романтических отношений. Поэтому оставьте всякие мысли на этот счет.

Когда жнец произнес эти слова, Ситра глянула на Роуэна, который пожал плечами.

– Не проблема, – сказал он, и это разозлило Ситру. По меньшей мере он мог бы выказать разочарование.

– Согласна, – сказала Ситра. – Даже если бы не было запрета.

Роуэн усмехнулся, и этот смешок еще сильнее уколол Ситру.

Будем изучать историю, великих философов,

различные науки. Перед тем как стать полноценными жнецами, вам предстоит постичь природу жизни и смысл человеческого существования. Вы также усвоите различные способы прерывания жизни и станете экспертами в этой области.

Роуэн, как и Ситра, чувствовал себя крайне неуютно от того, что сразу же согласился подчиниться запрету на романтические отношения, но он не собирался это демонстрировать. Особенно при Ситре. Да, он выказал холодность по отношению к ней, но, по правде говоря, девушка его привлекала. Однако еще до того, как жнец сформулировал запрет, Роуэн знал, что такого рода отношения не приведут ни к чему хорошему. В конце концов, они были соперниками.

Как и Ситра, Роуэн стоял рядом со жнецом Фарадеем, когда тот наделял иммунитетом каждого из членов его семьи. Его родные братья и сестры, сводные братья и сестры, бабушка, ее слишком идеальный муж, который, как Роуэн подозревал, был ботом. Каждый из членов семьи почтительно становился на колени и целовал кольцо, передавая таким образом данные о своей ДНК во всемирную базу данных, располагавшуюся в отдельном облаке, которое контролировало сообщество жнецов и которое существовало отдельно от «Гипероблака».

Правило состояло в том, что иммунитет сроком на один год получали все члены семьи ученика, а таковых в разросшейся семье Роуэна было девятнадцать человек. Поэтому

мать Роуэна воспринимала все происходящее со смешанными чувствами – по крайней мере целый год все эти родственники будут жить в ее доме, надеясь дожидаться акта получения постоянного иммунитета – как только Роуэн получит кольцо жнеца. *Если* он получит кольцо жнеца.

Небольшая заминка возникла только тогда, когда кольцо тревожно завибрировало, отказав в иммунитете новому мужу бабушки, который действительно оказался ботом.

Вы будете жить так же, как и я. Скромно, питаясь тем, что будут давать другие. Брать будете не больше того, что необходимо. Люди будут пытаться купить вашу дружбу. Начнут осыпать вас плодами своей щедрости. Принимайте только то, что поможет вам удовлетворить свои базовые потребности.

Фарадей привел Ситру и Роуэна к себе домой. Здесь им предстоит начать новую жизнь. Жил жнец в маленьком бунгало в какой-то захолустной части города, о существовании которой Роуэн даже не подозревал.

– Люди играют в бедность, – объяснил Фарадей.

Бедных, строго говоря, больше не было. А некая суровость и даже скудость существования являлась результатом сознательного выбора тех людей, кто сторонился изобилия Эпохи Бессмертных.

Жилище Фарадея оказалось поистине спартанским. Почти никаких украшений. Невыразительная мебель. В комнате, которую жнец отвел Роуэну, была только кровать и

небольшой платяной шкаф. У Ситры в комнате имелось по крайней мере окно, но оно смотрело на кирпичную стену.

Я запрещаю вам лишённые смысла развлечения, равно как и бессодержательное общение с друзьями детства. Приняв мои условия, вы должны оставить в прошлом все свои старые интересы и привычки. Когда через год я выберу одного из вас, другой или другая сможет достаточно легко вернуться к своей прежней жизни. Сейчас же вы оба обязаны считать свою тогдашнюю жизнь безвозвратным прошлым.

Как только Роуэн и Ситра устроились, Фарадей не дал им ни минуты, чтобы поразмышлять о своем новом положении. Едва они распаковали свои сумки, как жнец заявил, что они идут на рынок.

– «Жатва»? – спросил Роуэн, мрачнея.

– Нет, достать для вас еды, – сказал Фарадей. – Если, конечно, вы не захотите питаться моими объедками.

Услышав вопрос Роуэна, Ситра ухмыльнулась – словно ее саму не заботило то, что с ней происходит.

– Ты мне гораздо больше нравилась до того, как я узнал тебя получше, – сказал ей Роуэн.

– Ты меня еще не знаешь, – ответила она, и это было правдой.

Она вздохнула, и в первый раз после того вечера в опере высказалась более-менее откровенно.

– Мы вынуждены жить вместе и состязаться за более чем

сомнительный приз. Я знаю, что это – не твоя вина, но в нынешней ситуации трудно говорить о дружеских отношениях.

– Я понимаю, – признал Роуэн. В конце концов не Ситра виновата в той напряженности, что возникла между ними.

– Но ведь это совсем не означает, что мы не можем поддерживать друг друга.

Ситра не ответила. А он и не ждал немедленного ответа. Роуэну просто захотелось заронить зерно. За последние два месяца он узнал, что, оказывается, не пользуется ничьей поддержкой. Друзья от него отделились. В своей семье он был существом второстепенным. И только с одним человеком его связывало общее положение – это была Ситра. Если они не научатся доверять друг другу, что у них будет общего кроме ученического разрешения на убийство?

Главным достижением человечества стала победа над смертью. А это означало и конец всех правительств.

Еще в те дни, когда сеть цифровых коммуникаций именовалась «облаком», люди решили не давать слишком много власти искусственному интеллекту. Предостережения на этот счет изобиловали в кино, книгах, на телевидении, и во всех возможных видах и форматах. Машины всегда считались врагами. Но затем «облако» эволюционировало в «Гипероблако», искрящееся сознанием или по меньшей мере его полным подобием. И тут выяснилось, что оно не стремится к захвату власти. Одновременно люди поняли, что «Гипер-

облако» способно лучше любых политиков служить целям и нуждам человека.

В годы, предшествовавшие появлению «Гипероблака», закон и правительство были просто необходимы, чтобы справляться с человеческим высокомерием, эгоизмом, а также блокировать постоянные стычки, вызываемые мелочными интересами различных групп и индивидуумов. Система была неэффективной, несовершенной, подверженной различным формам коррупции.

Но подкупить «Гипероблако» было нельзя. Кроме этого, его алгоритм был построен на основе всех знаний человечества. Как только ему передали власть, как по волшебству изменилось все: люди перестали тратить деньги и время на достижение высоких политических постов, прекратились войны, тираны уже не могли подавлять вверенное им население. Конечно, политикам, диктаторам и разжигателям войн это не могло понравиться, но их голоса, когда-то громкие и устрашающие, теперь были едва слышны. Короли оказались не только голыми, но и немощными.

«Гипероблако» знало все: когда и где строить дороги, как избежать неоправданных потерь в процессе распределения пищи и соответственно – голода, как защитить окружающую среду от постоянно растущего населения. «Облако» создавало рабочие места, одевало неимущих, а потом сформировало Мировой Кодекс. Впервые в истории закон стал не просто тенью справедливости, но ее воплощением.

«Гипероблако» подарило нам совершенный мир. Утопия, о которой наши предки только мечтали, стала нашей действительностью.

И только над одним институтом «Гипероблако» не имело власти.

Это было сообщество жнецов.

Когда созрело решение, что люди должны умирать (только таким образом можно было противостоять бесконечному росту народонаселения), функцию прерывания жизни решили также возложить на людей. Ремонт мостов, планирование городов – с этим могло справиться и «Гипероблако». Но акт умерщвления требовал, чтобы его исполнитель обладал нравственным чувством. Такового у «Гипероблака» не имелось, в силу чего был учрежден институт жнецов.

Я нисколько не сожалею о принятии этого решения. Но может быть, «Гипероблако» справилось бы с этим делом лучше?

– Из журнала жнеца Кюри.

Глава 5

«Но мне ведь всего девятью шесть!..»

В другой ситуации поход на рынок был бы обычным, даже скучноватым делом; но отправиться туда в компании жнеца – в этом содержалась изрядная доля безумия.

Как только двери крытого рынка отворились и они вошли, ужас, который овладел торговыми рядами, передался Ситре, и она едва не покрылась гусиной кожей. Ничего откровенно-вульгарного: никаких охов, криков или стонов – люди привыкли к тому, что жнецы время от времени пересекают их жизненный маршрут. Но над рынком повисло гробовое, всепроникающее молчание – словно жнец и его спутники неожиданно вышли на театральную сцену и нарушили ход пьесы.

Как заметила Ситра, здесь были представлены три типа людей.

Тип первый. Всеотрицающие. Эти притворялись, что никакого жнеца среди них нет. Не то чтобы они просто игнорировали того, кто несет смерть. Нет, всем своим поведением они отрицали факт его присутствия. Это напоминало Ситре поведение маленьких детей, которые, играя в прятки, закрывают глаза, думая: если они никого не видят, то и их не

видит никто.

Тип второй. Искусные беглецы. Эти скрывались, притворяясь, будто их бегство вызвано естественными причинами. Они неожиданно вспоминали, что забыли купить яиц, или внезапно бросались в погоню за убежавшим ребенком, которого в общем-то и не было. Один покупатель даже оставил свою тележку, бормоча, что забыл дома кошелек, хотя наличие одного выдавал оттопыренный задний карман. Он помчался прочь и больше не возвращался.

Тип третий. Подлизы. Эти забывали про свои дела и подходили к жнецу, чтобы что-нибудь ему предложить, в тайной надежде (да ладно, какая уж тут тайна!), что он наградит их иммунитетом или по крайней мере заберет сегодня не их, а, допустим, соседа справа.

– Ваша честь, возьмите мою дыню. Она больше. Я просто настаиваю!

Знали ли эти люди, что такое лицемерное поведение может склонить жнеца остановить свой профессиональный выбор именно на них? Не то чтобы Ситра немедленно назначала бы за подобное поведение смертную казнь, но если бы ей пришлось выбирать между льстецом и каким-нибудь обычным, застывшим на месте беднягой, она выбрала бы владельца дыни.

Был, правда, один покупатель, который не соответствовал ни одному из этих типов – женщина, которая действительно хотела быть им приятной.

– Доброе утро, жнец Фарадей, – сказала она, когда они проходили мимо отдела деликатесов. – Это ваши племянник и племянница?

– Вот еще! – произнес жнец, давая понять, что если родственники у него и есть, то особо он их не жалует. – Взял учеников.

Глаза у женщины слегка расширились.

– Вот как! – сказала она, и по ее интонации нельзя было понять, как она к этому относится. – И у них есть желание заниматься этой работой?

– Ни малейшего, – ответил жнец.

Женщина кивнула:

– Тогда все в порядке. Помните пословицу: *«Повинуясь лишь чувствам, теряешь опору»?*

Жнец улыбнулся:

– Надеюсь познакомить их как-нибудь с вашим струделем.

Женщина дружелюбно кивнула Роуэну и Ситре:

– Ну, буду только рада.

Когда женщина удалилась, Фарадей объяснил: эта женщина его давняя приятельница.

– Время от времени она для меня готовит. К тому же служит в офисе коронера, а иметь там своего человека при моей работе весьма полезно.

– Вы наделяете ее иммунитетом? – спросила Ситра.

Роуэн подумал, что вопрос выведет жнеца из себя, но тот ответил:

– Сообщество жнецов не одобряет фаворитов, но я обнаружил, что не вызову ничьего раздражения, если буду гарантировать ей годовой иммунитет раз в два года.

– А что, если какой-нибудь другой жнец лишит ее жизни в промежутке между этими периодами?

– Тогда я приду на ее похороны, и мне будет по-настоящему грустно.

Набирая еды в корзину, Ситра прихватила чипсы, на которые жнец взглянул с сомнением.

– Это так необходимо? – спросил он.

– А что вообще необходимо? – ответила Ситра вопросом на вопрос.

Роуэну показалось забавным то, как она парировала недовольство жнеца. Но это сработало, и тот позволил Ситре оставить лакомство.

Роуэн старался быть более практичным, а потому выбирал что посуущественнее – яйца, муку, различные белковые продукты, а также то, что можно было бы подать на гарнир к основному блюду.

– Не бери куриное филе, – сказала Ситра, заглянув в его корзину. – Поверь мне. Моя мать – инженер по производству синтетической еды. То, что ты взял – не курица. Это выращивают в чашках Петри.

Роуэн взял еще один пакет замороженных белковых продуктов.

– А это? – спросил он.

– Морской стейк? Ну, если тебе нравится планктон, спресованный как кусок мяса...

– А может быть, тебе тоже не мешало бы взять нормальной еды вместо сладостей и чипсов? – спросил Роуэн.

– Ты всегда такой зануда?

– Разве жнец Фарадей не сказал нам, что мы должны жить так, как живет он? Сдается мне, бисквитный пломбир – не в его стиле.

Ситра состроила ироничную гримаску и тут же переключилась на ванильное мороженое.

Они продолжили движение по рынку, когда Ситра заметила двоих подозрительного вида тинейджеров, которые, похоже, следовали за ними по пятам, притормаживая, когда жнец и его спутники останавливались, и делая вид, что и сами занимаются покупками. Это, вероятно, были фрики – типы, получавшие удовольствие от всего, что граничило с нарушением закона. Иногда они действительно совершали незначительные правонарушения, хотя со временем теряли к этому интерес, потому что неизменно попадались «Гипероблаку» и получали внушение от полицейских. Поведение самых ярких нарушителей корректировали, вводя им в кровь вызывающие шок наночастицы, достаточно эффективные, чтобы помешать фрикам нарушать закон. А если не помогало и это, то фрик получал в сопровождающие персонального полицейского, который пребывал с ним ежедневно, двадцать четыре часа в сутки. У Ситры был такой дядя. К нему при-

ставили женщину-полицейского, которую он называл своим ангелом-хранителем и на которой в конечном счете женился.

Ситра, пока Фарадей отвернулся, потянула Роуэна за рукав и обратила его внимание на фриков.

– Почему они за нами идут, как думаешь? – спросила она.

– Должно быть, рассчитывают, что скоро будет «жатва», и надеются посмотреть, – предположил он.

Правдоподобная версия, хотя, как потом оказалось, у этих двоих были совершенно иные мотивы.

Когда жнец и его спутники уже стояли в очереди к кассам, один из фриков схватил руку Фарадея и поцеловал его кольцо прежде, чем жнец успел его остановить. Камень на кольце заиграл красным, указывая на то, что хулиган получил иммунитет.

– Опля! – ликующе воскликнул фрик. – У меня иммунитет на целый год, и вам его не отменить! Я знаю правила!

Жнец Фарадей несколько не выглядел взволнованным.

– Ну что ж, – сказал он. – Редкое везение. Ты получил триста шестьдесят пять дней иммунитета.

А потом, пристально посмотрев в глаза хулигана, тихо добавил:

– А на триста шестьдесят шестой день мы с тобой увидимся.

И сразу же самодовольное выражение сползло с физиономии этого парня – словно мускулы его лица сдулись. Он что-то забормотал, но приятель потянул его прочь, и они мол-

ниеносно покинули помещение рынка.

– Хорошо сыграно, – сказал стоящий в очереди человек.

Он предложил заплатить за покупки жнеца и его учеников, в чем не было необходимости, так как жнецы в любом случае пользовались всем бесплатно.

– А через год вы его действительно найдете? – спросил Роуэн.

Жнец взял с полки пачку мятных таблеток.

– Я слишком ценю свое время, – сказал он. – Кроме того, он уже наказан. Весь предстоящий год он будет думать о том, что я вскоре приду. И вот вам урок: жнец не всегда должен исполнять свои угрозы; от этого они не теряют своей эффективности.

Несколькими минутами позже, когда они загружали свои покупки в авто-такси, жнец кивнул в сторону парковки.

– Вот, посмотрите, – сказал он. – Видите ту женщину? Ту, что уронила свою сумочку?

– Вижу, – сказал Роуэн.

Фарадей достал свой телефон, направил на женщину камеру, и тотчас же вся информация о ней появилась на экране. Природный возраст – девяносто шесть лет, физический – тридцать четыре. Мать девятерых детей. Менеджер базы данных небольшой транспортной компании.

– Она доставит покупки домой, а потом отправится на работу, – сказал жнец. – После обеда мы наведаемся к ней в офис и займемся «жатвой».

Ситра шумно вздохнула. Не застонала, но что-то в этом роде. Роуэн взял себя в руки, чтобы не выдать свои эмоции, подобно Ситре.

– Но почему? – спросил он. – Почему именно она?

Жнец холодно взглянул на него.

– А почему бы и нет?

– У вас же были основания забрать Кола Уитлока.

– Кого? – спросила Ситра.

– Парня из моей школы. Тогда, когда я впервые встретил нашего досточтимого жнеца.

Фарадей вздохнул.

– Смертельные случаи на парковках составляли 1,25 процента всех несчастных случаев в последние годы Века Смертных. Вчера вечером я решил, что сегодня я выберу очередной объект «жатвы» именно на парковке.

– То есть все время, когда мы ходили по рынку, вы знали, чем закончится наш поход? – спросил Роуэн.

– Да что вы за человек такой! – не удержавшись, воскликнула Ситра. – Даже тогда, когда вы ходите по магазинам, смерть прячется в молочном ряду.

– Смерть никогда не прячется, – сказал жнец с такой усталостью в голосе, что ее невозможно было бы ни описать, ни подделать. – И не спит. Вы это скоро узнаете.

Но ни Роуэн, ни Ситра не стремились к такому знанию.

После обеда, как и планировал жнец, они отправились в

транспортную компанию, где работала эта женщина, и стали свидетелями «жатвы» — так же, как Роуэн был свидетелем смерти Кола. Но сегодня это было больше, чем просто пассивное присутствие.

— Я выбрал для вас таблетку, — сказал жнец лишившейся речи, дрожащей женщине. Он вынул из кармана маленький стеклянный флакон с крохотной пилюлей.

— Таблетка не активируется, пока вы ее не прикусите, — сказал жнец женщине. — Поэтому вы сами можете выбрать подходящий момент. Глотать не нужно, просто прикусите. Смерть будет мгновенной и безболезненной.

Голова женщины безвольно кивала, как у плюшевой куклы.

— Могу я... могу я позвонить детям?

Жнец отрицательно покачал головой.

— Нет, но мы передадим им все, что вы захотите сказать.

— Разве это как-то повредит, если мы позволим ей попрощаться с семьей? — спросила Ситра.

Жнец жестом руки заставил ее замолчать и передал женщине лист бумаги с ручкой.

— Напишите все, что нужно. Обещаю, что письмо будет доставлено.

Они подождали за дверями офиса. Терпение Фарадея, похоже, было безгранично.

— А что, если она откроет окно и выбросится? — спросил Роуэн.

– В любом случае это будет смерть, только при более неприятных обстоятельствах. С тем же результатом.

Но женщина не стала выбрасываться. Вместо этого она пригласила жнеца и его учеников в комнату, вежливо протянула конверт Фарадею и вновь села за свой стол.

– Я готова.

И тут Фарадей сделал то, чего ни Роуэн, ни Ситра не ожидали. Повернувшись к Роуэну, он протянул ему фиал.

– Помести таблетку в рот миссис Бекер, – сказал он.

– Кто? Я?

Жнец Фарадей не ответил. Он просто держал фиал в вытянутой руке, ожидая, пока Роуэн возьмет его. Юноша понимал, что он не является официальным жнецом, но быть посредником, инструментом... Сама мысль лишала его сил. Сглотнув, он словно почувствовал горечь пилюли в своем рту и отказался брать таблетку.

Мгновение выждав, Фарадей повернулся к Ситре.

– Тогда ты.

Ситра отрицательно покачала головой.

Жнец Фарадей улыбнулся.

– Очень хорошо, – сказал он. – Это было испытание. Мне не очень понравилось бы, если бы кто-нибудь из вас немедленно проявил готовность стать причиной смерти.

Услышав слово «смерть», женщина судорожно вздохнула.

Жнец Фарадей аккуратно открыл фиал и извлек таблетку. Треугольная форма, зеленая оболочка. Кто знал, что смерть

может являться такими маленькими порциями?

– Но мне... мне всего девяносто шесть! – проговорила женщина.

– Мы знаем это, – ответил жнец. – Теперь, прошу вас, откройте рот. Помните, нужно не глотать, а только прикусить.

Женщина, как было сказано, открыла рот, и жнец положил таблетку ей на язык. Она не стала сразу же кусать таблетку, а по очереди смотрела – на Роуэна, на Ситру. Потом взгляд ее остановился на Фарадее, раздался легкий хрустящий звук, и тотчас же тело женщины беспомощно обмякло в кресле. Как просто! Но нет, не все так просто!

На глаза Ситры навернулись слезы. Она плотно сжала губы. Как ни старался Роуэн сдерживать чувства, его волнение выдавало его шумное дыхание. Голова его кружилась.

Жнец Фарадей повернулся к Ситре.

– Проверь ее пульс.

– Кто? Я?

Жнец был терпелив. Дважды он ни о чем не просил. Но видя, что Ситра колеблется, он, наконец, сказал:

– На сей раз это не проверка. Я действительно хочу, чтобы ты подтвердила отсутствие пульса.

Ситра протянула руку к шее женщины.

– С другой стороны, – сказал Фарадей.

Ситра прижала пальцы к сонной артерии умершей, чуть ниже уха.

– Пульса нет.

Удовлетворенный, Фарадей встал.

– И это все? – произнесла Ситра.

– А чего ты ждала? – спросил Роуэн. – Хора ангелов?

Ситра посмотрела на него почти с ненавистью.

– То есть, я хотела сказать... это все так обыденно!

Роуэн понимал, что она имела в виду. Когда жнец забирал жизнь его однокашника, он пережил удар электрического тока. Это было ужасно, но то, что произошло сейчас, оказалось много хуже.

– И что теперь? – спросил он. – Мы так и оставим ее тело?

– Лучше не задерживаться, – сказал Фарадей, набирая сообщение на телефоне. – Я известил коронера о необходимости забрать тело миссис Бекер.

Затем он взял письмо, написанное умершей, и опустил его в один из многочисленных карманов своей мантии.

– Вы вручите это письмо ее близким во время похорон.

– Подождите, – сказала Ситра. – Мы что, идем на ее *похороны*?

– Мне кажется, вы предложили не задерживаться, – проговорил Роуэн.

– Задерживаться и выказывать уважение – разные вещи. Я посещаю похороны всех людей, которых мне приходится забирать.

– Это правило обязательно для всех жнецов? – спросил Роуэн, который никогда не присутствовал на похоронах.

– Нет, это только мое правило, – ответил Фарадей. – И я

называю это «обычной вежливостью».

Покидая здание компании, Роуэн и Ситра старались избегать взглядов людей, когда-то работавших с миссис Бекер. Как они поняли, для них это был ритуал инициации. Теперь они стали полноправными учениками жнеца.

Часть 2

Нет иных законов, кроме этих

Заповеди жнеца

1. Убивай.

2. Да не владеют тобой в миг убийства предубежденность, нетерпимость или злоба.

3. Даруй иммунитет сроком на год тем, кого возлюбили люди, приемлющие твой приход, а также тем, кого сочтешь достойными.

4. Убивай тех, кого возлюбили люди, чинящие тебе препятствия.

5. Служи человечеству всей своей жизнью, и семья твоя обретет иммунитет в возмещение жертвы твоей, пока жив ты.

6. Жизнь твоя, дела и слова да служат примером.

7. Да не падет от руки твоей ни один жнец, исключая тебя самого.

8. Не взыскуй никаких владений земных, исключая мантии и кольца.

9. Да не будет у тебя ни супруга, ни потомства.

10. Нет для тебя иных законов, кроме этих.

Раз в год я соблюдаю пост и размышляю над заповедями. По правде говоря, я размышляю над ними ежедневно, но раз в год я позволяю им быть моей

единственной поддержкой. Их простота гениальна. До того, как появилось «Гипероблако», правительства имели конституции и массивные своды законов, о которых велись нескончаемые споры, по поводу которых сомневались, которыми манипулировали. Из-за различных интерпретаций какой-нибудь доктрины велись войны.

Раньше моя наивность заставляла меня полагать, что простота заповедей жнеца делает их непроницаемыми для изучения. С какой стороны ни подступишься, выглядят они совершенно одинаково. На протяжении многих лет меня восхищает и ужасает податливость и эластичность заповедей. То, что мы, жнецы, пытаемся оправдать. То, что мы извиняем.

В пору моей юности еще существовали жнецы, бывшие современниками заповедей. Никого из них уже нет в живых – все они исполнили заповедь семь. Жаль, мне не пришло в голову спросить, откуда пошли заповеди? Каждая из них. Кто и как принимал решение по их воплощению в слова? Существовали ли какие-нибудь отвергнутые заповеди в черновике – пока окончательный вариант не был начертан на камне?

И почему их десять?

Из всех заповедей дольше всего я размышляю над десятой. Потому что желание встать над законом неизбежно приводит человека к катастрофе.

Из журнала жнеца Кюри.

Глава 6

Аккорд жнецов

Рейс отправится вовремя. Как обычно. Хотя полностью контролировать атмосферные условия невозможно, от аэропортов и авиамаршрутов непогоду отгонять научились. Большинство авиалиний могло хвастаться тем, что 99,9 процента их рейсов взлетают и приземляются точно по расписанию.

Все билеты на этот рейс были распроданы, но современные нормативы организации полетов позволяли достаточно щедро распоряжаться внутренним пространством лайнера, а потому никто из пассажиров не чувствовал тесноты. Летать ныне так же удобно, как сидеть в собственной гостиной – добавьте сюда еще и преимущества «живых» развлечений: струнные квартеты и солисты-вокалисты парили за облаками вместе с пассажирами, услаждая их слух. Да, путешествия приобрели теперь гораздо более цивилизованный вид, чем это было в Век Смертных. А путешествие по воздуху, вне всяких сомнений, – самый приятный способ добраться до места назначения. Хотя в этот день пассажиры рейса 922 компании «БигСкай» отправятся совсем не по тому маршруту, который они для себя запланировали.

В кресле 15С, примыкавшем к проходу, уютно устроился бизнесмен. Он всегда требовал это место – не из суеверий,

а потакая привычке. Когда это место ему не доставалось, он капризничал и злился на того, кто захватил его любимое кресло. Компания, которую он возглавлял, работала над технологией гибернации, позволяющей в недалеком будущем воспринимать самые долгие путешествия как мгновенные, но пока он был вполне доволен обслуживанием «БигСкай» – тем более, что сидел в своем любимом кресле.

Люди все еще заходили в самолет, занимали свои места. Бизнесмен смотрел, как они идут по проходу – не потому, что питал к ним какой-либо интерес, а для того, чтобы избежать столкновения с ручной кладью, которую они несли.

– Домой или из дома? – спросила его женщина, усевшаяся рядом с ним в кресло 15А. Кресла 15В не существовало – сама концепция кресла «В», где человек вынужден был сидеть между двумя другими пассажирами, давно была выброшена на свалку – вместе с болезнями и правительствами.

– Из дома, – ответил бизнесмен. – А вы?

– А я домой, – ответила она с тяжелым вздохом.

За пять минут до взлета легкий шум в голове салона привлек внимание бизнесмена. В самолет вошел жнец и теперь разговаривал с бортпроводницей. Когда жнец собирается лететь самолетом, он вправе сесть в любое кресло – выдворить из него уже сидящего пассажира, заставить его перейти на другое место, а то и на другой рейс, если свободных мест в самолете нет. Ходили тревожащие слухи о том, что некоторые жнецы попросту расправлялись с пассажирами, на чьи

места претендовали.

Бизнесмену оставалось только надеяться, что этот конкретный жнец не нацелился на место 15С.

Необычной была мантия жнеца. Ярко-синяя, украшенная сияющими драгоценными камнями, скорее всего бриллиантами. Пожалуй, слишком шикарно для жнеца. Бизнесмен не знал, что и подумать. На вид жнецу было около сорока, хотя внешний вид теперь не значил ничего: в действительности этому человеку могло быть и за тридцать, и за двести тридцать. Темные, ухоженные волосы. Навязчивый взгляд. Бизнесмен постарался не встречаться со жнецом глазами, когда тот бросал взгляд вдоль прохода.

Неожиданно сзади появилось еще трое. Еще три жнеца! Эти были моложе, вероятно, по двадцать лет с небольшим. Их разноцветные яркие мантии были также украшены камнями. Яблочно-зеленая мантия молодой темноволосой женщины была испещрена изумрудами, на оранжевой мантии первого юноши горели рубины, а желтую мантию второго покрывали топазы.

Каким словом описать целую группу согласно работающих жнецов? «Аккорд», не так ли? Странно, что существует слово для такой редкости. Бизнесмену было известно, что жнецы – одинокие люди, они никогда не путешествуют и не работают группой. Проводница поприветствовала аккорд жнецов, но, как только они прошли мимо нее в салон, повернулась, покинула самолет и побежала прочь по рулежке.

Спасается, подумал бизнесмен. Но затем отринул эту мысль. Вряд ли. Наверняка торопится сообщить контролеру на посадочном терминале о дополнительных пассажирах. Вот и все. Паниковать она не может по определению – бортпроводников специально тренируют, чтобы не паниковали. Но вторая бортпроводница только что закрыла дверь, и ее лицо выражало что угодно, но не покой и уверенность.

Пассажиры принялись разговаривать друг с другом. Слышалось бормотание, нервный смех.

А затем главный жнец возвысил голос, взлетевший над этим обыденным шумом.

– Внимание, пожалуйста, – сказал он. – Мне очень жаль, но весь этот рейс выбран для «жатвы».

Бизнесмен слышал слова жнеца, но мозг уверял его, что он что-то неверно понял. Может быть, жнец шутил? Если, конечно, эти люди способны шутить. *Весь этот рейс выбран для «жатвы»*. Как это может быть? Кто же такое позволит? Или уже позволили?

Через несколько мгновений до пассажиров дошел смысл сказанного. Раздались крики, стоны, хныканье, неконтролируемые всхлипы. Так горевать пассажиры могли только в прошлом, когда самолет терял двигатели, – техника в Век Смертных не отличалась надежностью.

Бизнесмен был человек сообразительный, способный за долю секунды принять решение в кризисной ситуации. Он знал, что нужно делать. Может быть, другие тоже знали это,

но действовать начал только он. Выскочив из кресла, он бросился вдоль прохода в хвост самолета. Другие последовали за ним, но у задней двери он оказался первым. Быстро оценив расположение механизмов, он дернул за красный рычаг и распахнул дверь навстречу яркому солнечному утру.

Прыгнув с такой высоты на взлетную полосу, он может сломать кость или вывихнуть сустав, но наночастицы в крови мгновенно разродятся опиатами и снимут боль. И несмотря на повреждение, он сможет улизнуть. Но прыгнуть он не успел, сзади раздался голос:

– Предлагаю вам всем вернуться на свои места, если вы цените тех, кого любите.

Это была обычная процедура – жнецы забирали жизни тех, чьи родственники противились «жатве» или убегали. Одновременно это была эффективная мера устрашения. Но здесь полный самолет народа – если бы он спрыгнул и убежал, как бы жнецы узнали, кто он?

Словно прочитав его мысли, жнец произнес:

– У нас есть полный список пассажиров этого самолета. Мы знаем имена всех, находящихся на борту, а также имя бортпроводницы, которая продемонстрировала трусость, несоотносимую с ее должностью, и сбежала. Ее семья заплатит за это, равно как и она сама.

Бизнесмен опустил на колени и прикрыл лицо ладонями. Сзади протиснулся человек и выпрыгнул из самолета. Приземлился и побежал, более обеспокоенный тем, что про-

исходит сегодня, а не тем, что может случиться на следующий день. Возможно, у него нет семьи, или же он предпочел бы, чтобы они ушли из жизни вместе с ним. Бизнесмен же не мог и мысли допустить, что его жена и дети будут лишены жизни вместо него.

«Жатва» – необходимость, сказал он себе. Все это знают, все согласились с этой необходимостью. Кто он такой, чтобы восставать против общего решения? Ужасно, правда, что теперь он находится под прицелом у смерти.

Бизнесмен увидел, как старший жнец поднял руку и указал на него. Ногти у него были чуть длиннее, чем принято.

– Ну-ка, вы, – сказал он, жестом подзывая бизнесмена, – смельчак! Идите сюда!

Стоящие в проходе расступились, и бизнесмен вдруг ощутил, что он двигается вперед. Ног он не чувствовал, словно жнец просто подтягивал его к себе на веревочке – настолько непреодолимой была власть человека в синей мантии.

– Нужно начать с него, – произнес светловолосый, брутальной наружности жнец, державший в руках нечто, похожее на огнемет. – В качестве примера.

Но главный жнец покачал головой.

– Во-первых, убери эту штуку. С огнем играть не будем. Во-вторых, пример пригодился бы выжившим, а таковых здесь не предвидится. Так что это не имеет смысла.

Блондин, получивший отпор, опустил свое оружие. Остальные молодые жнецы хранили молчание.

– Вы очень быстро сорвались с места, – сказал главный жнец бизнесмену. – Похоже, среди пассажиров этого самолета вы – альфа-особь. Поэтому я позволю вам выбрать последовательность, в которой мы будем забирать жизни этих людей. Если хотите, станете последним в цепочке, но сначала определите очередность среди прочих пассажиров.

– Я... я...

– Перестаньте. Будьте решительнее. Когда вы бежали к выходу, решительность и воля вам не изменили. Пусть они пребудут с вами и сейчас.

Жнец явно получал удовольствие от происходящего. Но ведь это запрещено базовыми принципами сообщества жнецов! Какой-то частью своего мозга бизнесмен подумал: *Я должен подать жалобу*. Что, правда, будет непросто сделать, если он сейчас умрет.

Бизнесмен посмотрел в испуганные глаза сгрудившихся вокруг людей – теперь они боялись и его. Теперь и он стал для них врагом.

– Мы ждем, – сказала женщина в зеленом, которой явно не терпелось начать.

– Но как? – спросил бизнесмен, пытаясь контролировать свое дыхание, – каким образом вы будете это делать?

Он хотел выиграть как можно больше времени.

Главный жнец откинул складки мантии, демонстрируя внушительную коллекцию аккуратно спрятанных там оружий убийства: ножи разной длины, огнестрельное оружие.

Еще что-то, что бизнесмен даже не смог опознать.

– Мы выбираем метод в зависимости от настроения, – сказал жнец. – Но, конечно, никакого огня. А теперь, прошу вас, сделайте свой выбор, чтобы мы могли начать.

Женщина-жнец крепче сжала рукоять мачете, свободной рукой отбросив назад свои черные волосы. Она что, облизнула губы? Это будет не «жатва», а кровавая баня. И бизнесмен понял, что не хочет быть ее инструментом. Да, он обречен, и ничто не может изменить его судьбу. А значит, ему не обязательно играть в грязную игру, навязываемую ему жнецом. Неожиданно страх покинул его; он встал и, посмотрев жнецу в глаза, столь же глубокого цвета, как и цвет его мантии, сказал:

– Нет. Я не буду никого выбирать. И не доставлю вам удовольствия смотреть, как стану до последнего оттягивать свою собственную смерть.

Потом он повернулся к пассажирам и сказал:

– Я советую всем вам покончить с собой до того, как жнецы примутся за работу! Слишком много радости они получают от убийства, и этим они позорят свое высокое звание. Нужно лишить их этого удовольствия!

Главный жнец мгновение смотрел на бизнесмена, затем обернулся к своим спутникам и приказал:

– Начали!

Жнецы выхватили оружие, готовые приступить к страшной «жатве».

– Я – завершение вашего существования! – громогласно заявил старший жнец, обращаясь к обреченным. – Я – последнее слово вашей жизни. Благодарите меня. И – прощайте!

Из складок мантии он выхватил длинный нож, но стоящий перед ним бизнесмен уже приготовился. Как только лезвие сверкнуло перед его глазами, он собрал всю свою волю и бросился на нож грудью. Настоящий человек способен сам распорядиться своей жизнью, не полагаясь ни на кого. Это был его выбор – но не жнеца-безумца!

Когда-то давно меня занимал вопрос: можно ли где-нибудь встретить жнеца, одетого не в мантию, а в обычные одежды? В других частях мира жнец не имеет права переодеваться. В Мидмерике такого запрета нет. Здесь это просто обычай, хотя и редко нарушаемый. Потом, по прошествии многих лет, мне стало понятно, почему это так. Жнецы обязаны сохранять дистанцию между собой и остальным человечеством – ради собственного душевного покоя. Даже дома, вдали от чужих глаз, я ношу бледно-лиловый халат, который обычно надет на мне под мантией.

Многие видят в таком поведении признаки высокомерия. Я думаю, что в каком-то смысле это так, но для меня это скорее средство напомнить себе, что я отличаюсь от других людей.

Конечно, в большинстве случаев человек, носящий уни-

форму, имеет возможность сменить рабочую одежду на обычную. Полицейские или пожарные, например, в свободное от работы время запросто переодеваются в джинсы и майки. Они устраивают для своих соседей и друзей барбекю, обучают их детей различным видам спорта. То есть их личность лишь частично определяется их профессией и, соответственно, униформой. Но быть жнецом означает никогда не выходить из роли. Профессия определяет суть твоего бытия, и только ночью, во сне, ты освобождаешься от ее бремени.

Хотя даже во сне я иногда занимаюсь «жатвой».

– Из журнала жнеца Кюри.

Глава 7

Искусство жатвы

– В течение того года, что вы проведете со мной, – сказал жнец Фарадей Ситре и Роуэну, – вы научитесь использовать различные лезвия, метко стрелять более чем из дюжины различных видов огнестрельного оружия, получите практические навыки в токсикологии и наиболее опасных боевых искусствах. Мастерами вы не станете – это потребует нескольких лет упорного труда, – но обзаведетесь базовыми умениями и знаниями, которые вы будете совершенствовать.

– Знания и умения, которые для одного из нас окажутся бесполезными.

– Нет ничего бесполезного из того, что мы узнаем.

Хотя дом жнеца поражал скромностью и простотой, одно из его помещений производило неизгладимое впечатление. Это было хранилище оружия, устроенное в старом гараже, на стенах которого рядами висели экспонаты его коллекции. Одна стена была отдана под холодное оружие, другая – под огнестрельное. Третью стену занимали полки, похожие на аптечные, а четвертую – полки и шкафы с различными предметами антиквариата. Здесь лежали и висели изящно изогнутые луки, колчаны со стрелами, оснащенными обсидиановыми наконечниками, пугающе мощные арбалеты, даже булава – хотя трудно было представить, чтобы жнец Фа-

радей лишал кого-нибудь жизни с помощью булавы. Скорее всего, как решили Ситра и Роуэн, четвертая стена представляла собой музей, хотя до конца в этом они не были уверены, и это обстоятельство их несколько тревожило.

Дневной распорядок был напряженным. Роуэн и Ситра овладевали искусством обращения с различными видами холодного оружия, при этом Фарадей выступал в качестве их спарринг-партнера, демонстрируя необычную для человека его возраста силу и ловкость. Они учились стрелять в специальном тире, предназначенном только для жнецов и их учеников. Там использовалось оружие, запрещенное для обычной публики, но ученики должны были научиться владеть им в совершенстве. Им преподавали основы боевого искусства «Бокатор Черная вдова» – смертоносной версии древней камбоджийской системы рукопашного боя, адаптированной к нуждам сообщества жнецов. Каждое занятие выматывало Ситру и Роуэна физически, но они выходили из него гораздо крепче и сильнее, чем были прежде.

Физические упражнения, однако, были лишь одной из сторон их подготовки. В хранилище оружия, в самом центре, стоял старинный дубовый стол, явно пришедший из глубин Века Смертных. Здесь ежедневно, в течение нескольких часов подряд, жнец Фарадей обучал Роуэна и Ситру искусству жнеца.

Возможности человеческого мозга, история, биохимия ядов, а также ежедневные записи в ученические журналы.

Оказывается, о смерти можно узнать гораздо больше, чем они до этого подозревали.

– История, химия, письмо – все как в школе, – ворчал Роуэн, оставаясь наедине с Ситрой, поскольку при Фарадее пожаловаться он бы не рискнул.

Кроме того, была «жатва».

– У каждого жнеца есть квота – двести шестьдесят человек ежегодно, – сказал им как-то жнец Фарадей. – То есть в среднем по пять человек в неделю.

– То есть, у вас есть и выходные, – пошутил Роуэн, стараясь придать разговору слегка нервную живость.

Фарадей не поддержал Роуэна. В «жатве» для него не было ничего смешного.

– В те дни, когда я не работаю, я посещаю похороны и собираю информацию для будущей работы, – сказал он. – У жнецов, то есть у *хороших* жнецов, не бывает выходных.

Мысль, что не все жнецы могут быть *хорошими*, до этого не приходила в голову ни Роуэну, ни Ситре. Всем было известно, что жнецы придерживались высочайших морально-этических стандартов. В своих действиях они были мудры и справедливы. Даже те из них, кто стремился к известности, заслуживали этого. То, что не все жнецы могут быть так же достойны уважения, как жнец Фарадей, не укладывалось в голове его учеников.

Ситра так и не научилась преодолевать шок, который со-

проводил каждый акт «жатвы». Хотя жнец Фарадей – после первой попытки – уже не предлагал им самим стать орудиями смерти, роль соучастника этого действия была весьма тягостной. Все эпизоды безвременной кончины каждый раз были окутаны новым облаком ужаса, и, как повторяющийся каждую ночь кошмар, не теряли своей остроты. Ситра надеялась, что она привыкнет, притерпится к этому ужасу. Но этого не происходило.

– Это означает, что я сделал мудрый выбор, – сказал ей жнец Фарадей. – Если твоя подушка суха, когда ты засыпаешь, значит, тебе недостает силы сострадания, и ты не можешь работать жнецом.

Ситра сомневалась, что Роуэн плачет перед сном. Он умел держать свои эмоции при себе, и Ситра была неспособна что-либо прочесть в его душе, непроницаемой, как черный ящик в темноте. А может быть, как раз наоборот, она была совершенно прозрачна, и ее взгляд проникал насквозь, ни за что не зацепившись? Ситра не знала, что и думать.

Очень скоро ученики поняли, что жнец Фарадей весьма творчески подходит к делу, никогда не повторяясь в методах своей работы.

– Разве среди жнецов не бывает ритуалистов, – спросила Ситра, – которые из раза в раз повторяют одни и те же действия?

– Да, – ответил Фарадей, – но каждый из нас должен искать свои методы. Свой кодекс поведения. Я предпочитаю в

каждом человеке видеть уникальную личность, заслуживающую уникального, индивидуально подобранного отношения.

Жнец изложил пред учениками семь основных методов «жатвы».

– Самые обычные – это лезвие, пуля и грубая сила. Следующие три – удушение, яд и внешняя, вызывающая катастрофу, энергия, то есть – электричество и огонь; хотя огонь я не люблю и никогда его не использую. И наконец, это голая сила без применения оружия – вот почему мы и обучаем вас искусству «Бокатор».

Чтобы быть жнецом, объяснял Фарадей, нужно в равной мере хорошо владеть всеми методами. И Ситра понимала, что «в равной мере хорошо владеть» означало то, что ей придется участвовать в самых разных видах «жатвы». Неужели он заставит ее нажимать на курок? Или бросать нож? Взмахивать дубинкой? Ситре вдруг отчаянно захотелось поверить в то, что она неспособна к работе жнеца, что она создана из совершенно иного материала. И впервые в жизни она пожелала себе неудачи.

Роуэном же в этой связи владели смешанные чувства. В присутствии Фарадея, вдохновляемый его моральными принципами и этическими нормами, Роуэн чувствовал, что готов во всем следовать за учителем. В отсутствие же жнеца, оставленный наедине с собственными мыслями, юноша сомневался во всем. До сих пор в его памяти горел взгляд той женщины, которая с ужасом, но и с готовностью открыла рот,

чтобы принять яд из рук жнеца. Взгляд, которым она глянула на него, перед тем как прикусить смертоносную таблетку. *Я соучастник самого древнего преступления, когда-либо совершавшегося в этом мире*, говорил Роуэн себе в минуты одиночества. *И дальше будет только хуже.*

Хотя к журналам жнецов мог получить доступ кто угодно, ученики наслаждались пока привилегией неизвестности. Жнец Фарадей выдал Роуэну и Ситре пергаментные тетради с грубыми обрезами, переплетенные бледной кожей. Роуэну его тетрадь казалась каким-то средневековым ископаемым. Он бы не удивился, если бы Фарадей дал им в придачу гусиные перья – для письма. Но, по счастью, им было разрешено пользоваться обычными письменными принадлежностями.

– На журнал обычно идет пергамент, изготавливаемый из кожи ягненка, – объяснил Фарадей. – А на обложку – кожа козленка.

– Хорошо, что не ребенка, – усмехнулся Роуэн.

Жнец засмеялся, что расстроило Ситру, – Роуэн опять ее обошел. Тот знал – хотя Ситра и не стремилась во что бы то ни стало сделаться жнецом, из чувства соперничества она не могла допустить, чтобы Роуэн хоть в чем-то ее превосходил. Так уж она была устроена. Состязательность была у нее в крови, и всем приходилось с этим мириться.

Роуэн предпочитал не тратить силы по пустякам. Он мог соревноваться, когда это было действительно необходимо, но тешить свое самолюбие мелкими победами было не в его

характере. Давало ли это ему преимущество над Ситрой? И нужно ли было ему такое преимущество?

Работа жнеца не казалась ему главным делом жизни. Правда, он еще не стоял перед проблемой выбора и не знал, как распорядится своим бесконечным будущим. Но сейчас, став учеником и воспитанником Фарадея, Роуэн начал ощущать в себе присутствие тех качеств, которые формируют настоящего жнеца. Если Фарадей, выбирая его, счел его морально достойным этой работы, значит, так оно и есть.

Что же касается журнала, то Роуэн ненавидел его. Живя в своей большой семье, где никто особенно не прислушивался к его словам, он привык держать свои мысли при себе.

– Никак не пойму, стоит ли нам упираться или нет, – сказала как-то Ситра, когда они после обеда работали над своими журналами. – Ведь никто, кроме тебя, никогда не заглянет в твой журнал.

– Тогда зачем его писать? – спросил Роуэн.

Ситра вздохнула с таким видом, словно разговаривала с ребенком:

– Это подготовка. Потом ты станешь вести официальный журнал жнеца. Того из нас, кто получит кольцо, закон обяжет делать там ежедневные записи.

– Я уверен, никто не станет их читать, – сказал Роуэн.

– Но люди будут иметь такую *возможность*. Архив сообщества жнецов – открытый свод документов.

– Ну да, открытый, – усмехнулся Роуэн. – Как «Гипероб-

лако». Люди могут читать все, но никто ничего не читает. Всех интересуют только игры да голограммы котиков.

Ситра пожала плечами:

– Тем более нет нужды волноваться. Если твой журнал потеряется среди миллиардов страниц, можешь вписать туда то, что купил в магазине или съел за завтраком. Никто и внимания не обратит, всем все равно.

Но Роуэн был из тех, кому не все равно. Если ему предстояло писать журнал – если он станет исполнять эту обязанность вместе с прочими обязанностями жнеца, – то отнесется к этому со всей серьезностью. Будет писать. Или ничего не будет писать. Пока он склонялся к последнему варианту.

Он смотрел, как Ситра выводит строку за строкой, полностью поглощенная своим журналом. Со своего места он не мог разобрать то, что выходило из-под ее пера, но и отсюда видно было, насколько хорош ее почерк. Похоже, в школе она брала уроки каллиграфии. Так делали те, кто хотел подчеркнуть свое превосходство. Это все равно как заниматься латинским языком. Роуэн подумал, что ему неплохо было бы научиться писать курсивом – уж если он действительно собирается стать жнецом, – но пока обходился корявыми неряшливыми печатными буквами.

А интересно, если бы они с Ситрой ходили в одну школу, ладили бы? Наверное, они бы даже не были знакомы. Ситра относилась к тем, кто с охотой идет на контакт, участвует в разных мероприятиях; Роуэн же предпочитал по воз-

возможности избегать и первого, и второго. Их орбиты так же далеко отстояли друг от друга, как орбиты Юпитера и Марса в ночном небе. Теперь, однако, они вынуждены сосуществовать. Дружьями они до сих пор не были – у них не было шанса подружиться до того, как стать учениками жнеца. Они – партнеры, они – соперники, и Роуэну было все труднее определить, какие чувства он питает к Ситре. Единственное, что он знал наверняка, так это то, что ему нравится смотреть, как она пишет.

В отношении семейных связей жнец Фарадей был строг. – Иметь контакты с семьей в период ученичества не рекомендуется, – говорил он.

Ситре это было тяжело. Она скучала по родителям, но еще больше – по брату, Бену. Это ее удивляло, потому что дома она едва его выносила.

Роуэн же не сильно переживал разлуку с родственниками. – Они наверняка предпочитают мне свой иммунитет, – сказал он Ситре.

– Я должна тебя пожалеть? – спросила она.

– Скорее позавидовать. С глаз долой, из сердца вон – так легче.

Хотя один раз жнец Фарадей сделал для Ситры исключение, позволив ей через месяц после начала ученичества сходить на свадьбу тетки.

Правда, он не разрешил ей никакого особенного наряда. Гости явились в пышных праздничных платьях и смокингах,

Ситра же – в уличном платье, да еще с ученической повязкой на рукаве.

– Это чтобы ты не почувствовала себя вновь частью мира, – объяснил свой запрет Фарадей.

И это сработало. Наверное, Фарадей намеренно поступил так, чтобы ясно продемонстрировать Ситре различие между тем, кем она была раньше, и кем стала теперь.

– Ну и как там все у вас происходит? – спросила ее кузина Аманда. – «Жатва» и прочее?

– Нам нельзя говорить об этом, – ответила Ситра. Это было неправдой, но ей не хотелось рассказывать о своих занятиях под руководством Фарадея – неподходящая тема для школьных сплетен.

Хотя, конечно, ей стоило поговорить с Амандой, потому что та была одной из немногих, кто хотел общаться с Ситрой. Она ловила на себе косые взгляды, когда, как гостям казалось, она на них не смотрела; они перешептывались на ее счет, но не подходили и не заговаривали, словно она была разносчиком какой-то болезни, пришедшей к ним из Века Смертных. Возможно, если бы Ситра уже носила кольцо жнеца, они вели бы себя любезнее, в надежде получить от нее иммунитет; но теперь, как ученица жнеца, она вызывала в них только страх.

Брат был холоден с ней, и даже с матерью разговор получился какой-то неловкий. Та задавала стандартные вопросы:

– Ты там не голодаешь?

– Спишь достаточно?

– Как я понял, ты живешь там с молодым человеком? – спросил отец.

– У него своя комната. И он мною не интересуется, – ответила Ситра и сама удивилась нелепости своего ответа.

Пробыв на церемонии венчания, Ситра не осталась на прием и, извинившись, уехала на авто-такси в дом Фарадея. Больше среди родственников она не могла вынести ни минуты.

– Что-то рановато! – прокомментировал ее приезд Фарадей. И хотя он изобразил удивление, место за обеденным столом он для нее приготовил.

Предполагается, что жнецы тонко чувствуют сущность смерти, но даже нам некоторые вещи совершенно непонятны.

Женщина, которую мне сегодня пришлось умерщвлять, задала мне странный вопрос:

– Куда же я теперь отправлюсь?

– Как куда? Ваши воспоминания и история уже хранятся в «Гипероблаке». Так что ничто не теряется. Тело же будет предано земле – так, как распорядятся ваши ближайшие родственники.

– Да, я все это знаю, – сказала она. – Но что будет со мной? Вопрос поставил меня в тупик.

– Вам же объяснили: конструкты вашей памяти существу-

ют в «Гипероблаке». Те, кто вас любит, смогут говорить с ними, и ваши конструкты станут им отвечать.

– Понимаю, – сказала она, слегка разволновавшись, – но куда денусь я?

Пришлось убить ее и ответить мертвому телу:

– Я не знаю.

– Из журнала жнеца Кюри.

Глава 8

Вопрос выбора

– Сегодня я иду на «жатву», – как-то в феврале, на втором месяце ученичества, сказал Фарадей Ситре и Роуэну. – В мое отсутствие вы должны выполнять мои задания.

Он отвел Ситру в хранилище оружия.

– Ты, Ситра, должна отполировать мои лезвия.

Ситра до этого каждый день бывала в хранилище – здесь проходили их занятия. Но остаться *одной*, наедине со всеми этими инструментами убийства – это было совсем другое дело.

Жнец подошел к стене, на которой висели различные виды оружия – от сабель до выкидных ножей.

– Какие-то лезвия просто запылились, какие-то потускнели. Реши сама, какой уход нужен каждому.

Ситра наблюдала, как взгляд жнеца переходит от одного лезвия к другому, иногда задерживаясь, словно Фарадей что-то вспоминал.

– Вы использовали все из них? – спросила она.

– Только половину, – ответил он. – И только единожды.

Он протянул руку к четвертой стене, где висели старые виды оружия, и взял рапиру. Такую могли бы использовать еще мушкетеры у Дюма.

– В прежние годы у меня был вкус к театральщине, – ска-

зал он. – Как-то мне пришлось работать с человеком, который вообразил себя фехтовальщиком. И я вызвал его на дуэль.

– Вы победили?

– Нет, проиграл. Даже дважды. Он был очень хорош. Первый раз он проткнул мне шею, а второй раз – бедренную артерию. Каждый раз я приходил в себя в восстановительном центре, но потом снова вызывал его. Своими победами этот человек выиграл себе время, но он должен был умереть, и я не отставал. Некоторые жнецы могут менять свое решение, идти на компромисс, а это значит, что они поощряют тех, кто способен убеждать. Мои решения тверды.

Фарадей подумал и продолжил:

– Во время четвертой схватки я пронзил его сердце острием рапиры. Умирая, он поблагодарил меня за то, что я позволил ему побороться за свою жизнь. Это был первый и последний раз за все время моей работы жнецом, чтобы меня благодарили за то, что я делаю.

Он вздохнул и повесил рапиру на место, которое, как поняла Ситра, было местом почетным.

– Но если вы располагаете таким количеством оружия, зачем, когда вы пришли к нашей соседке, вы взяли *наш* нож?

Жнец усмехнулся:

– Чтобы оценить твою реакцию.

– Я его выбросила, – сказала Ситра.

– Я подозревал, что так и случится, – произнес жнец.

И повернувшись, чтобы уйти, закончил, показав рукой:
– А эти ты отполируешь.

Оставшись одна, Ситра внимательно рассмотрела оружие. Ей не было свойственно нездоровое любопытство к смерти, но хотелось знать, какие из лезвий были использованы, и как. Она считала, что история благородного оружия должна передаваться от человека к человеку, от поколения к поколению. Они с Роуэном вполне могли воспринять эти истории. Они же – ученики жнеца!

Она сняла со стены ятаган. Тяжелая зверюга, способная моментально отделить голову от тела. Использовал ли его жнец Фарадей по назначению? Это в его стиле – быстро, безболезненно, эффективно. Неловко взмахнув ятаганом, Ситра задала себе вопрос: а достало бы у нее сил, чтобы кого-нибудь обезглавить?

О, господи, кем я становлюсь?

Она положила ятаган на стол, взяла тряпку и принялась полировать лезвие. Потом перешла к следующим, стараясь не смотреть на свое отражение в отполированных поверхностях.

Задание Роуэна не было связано с орудиями убийства, но доставило ему не меньше беспокойства.

– Сегодня ты подготовишь материал для моей следующей «жатвы», – сказал жнец Фарадей, протянув ему листок, на котором были обозначены параметры завтрашней жертвы.

– Вся нужная тебе информация находится в «Гипероблаке», и ты найдешь ее, если проявишь сообразительность.

И отправился на очередную «жатву».

Роуэн едва не сделал ошибку – хотел отправить список параметров в «Гипероблако» и предложить ему самому выбрать объект. Но вовремя спохватился – жнецам строго-на-строго запрещено прибегать к помощи «Гипероблака». Они имеют неограниченный доступ к имеющейся в нем информации, но не могут использовать его алгоритмизированное сознание. Фарадей рассказывал им о жнеце, который попытался сделать это. В конце концов само «Гипероблако» доложило о нарушителе Высокому Лезвию, и на него было наложено строгое дисциплинарное взыскание.

– Как это делается? – спросил Роуэн.

– Жюри жнецов подвергло его двенадцатикратному умерщвлению, после каждого из которых его оживляли. После двенадцатого восстановления ему дали год испытательного срока.

Да, жнецы творчески подходят к наказаниям. Наверное, дюжина смертей от руки жнеца гораздо ужаснее, чем разбиться о мраморную площадь, выбросившись из окна.

Роуэн принялся вводить параметры. В соответствии с данными ему инструкциями он должен был иметь в виду не только их город, но всю Мидмерику, которая простиралась почти на тысячу миль по центральной части континента. Затем он сузил рамки поиска городами с населением менее де-

сяти тысяч, располагающимися на берегу реки. После этого сконцентрировал внимание на домах и квартирах, находящихся в сотне футов от речного берега. И наконец стал искать людей от двадцати лет и старше, живущих в таких домах и квартирах.

Получилось более сорока тысяч человек.

Все это Роуэн проделал за пять минут. Но удовлетворить следующим несколькими параметрам было не так просто.

Объект должен быть отличным пловцом.

Роуэн вооружился списком школ и университетов, располагающихся в городах, что лежали на берегах рек, и вытащил информацию по всем участникам команд по плаванию и триатлону за последние двадцать лет. Получилось восемьсот человек.

Объект должен любить собак.

Используя код доступа Фарадея, Роуэн нашел в блогах ленты всех постов, имеющих отношение к собакам. Затем вошел в базы данных зоомагазинов на предмет определения тех, кто в последние годы регулярно покупал собачий корм. За счет этого ему удалось свести поле поиска к группе количеством сто двенадцать человек.

Объект совершил геройский поступок, не связанный с профессиональной деятельностью.

Роуэн самоотверженно принялся искать ссылки на слова «герой», «храбрость», «спасение», связанные с этой группой. Он подумал, как бы ему повезло, если бы героем сре-

ди ста двенадцати оказался лишь один кандидат, но, к его удивлению, таковых было четверо. Каждый из этой четверки совершил что-то героическое в тот или иной момент своей жизни.

Он кликнул имена и вывел на монитор четыре картинки, сразу же пожалев об этом, потому что, как только эти имена обрели лица, они перестали быть параметрами и превратились в людей.

Мужчина с круглым лицом и подкупающей улыбкой.

Женщина с внешностью заботливой матери.

Парень с прической «только что из постели».

Мужчина с трехдневной щетиной.

Четыре человека. И Роуэну предстоит решить, кто из них завтра умрет.

Он сразу же поймал себя на том, что думает о небритом мужчине, но понял, что руководствуется предвзятым отношением. Человека нельзя подвергать дискриминации только потому, что он не побрился перед съемкой. Что же тогда, женщину он должен вывести из состава претендентов только на том основании, что она женщина?

Хорошо. Пусть это будет парень с симпатичной улыбкой. Но не перестарался ли Роуэн в деле преодоления своих предрассудков?

Он решил побольше раскопать о каждом, используя код Фарадея для того, чтобы вытащить чуть больше личной информации, чем ему полагалось знать. Но это было вполне

оправдано, ведь речь шла о справедливом выборе, который касался жизни этих людей.

Вот этот вбежал в горящее здание, чтобы спасти соседа. А у этой трое детей. Этот работал добровольцем в приюте для животных. А у этого два года назад жнецы забрали брата...

Роуэн думал, что каждый новый факт будет помогать ему, но чем больше он узнавал об этих людях, тем труднее становилось принять решение. Он продолжал закапываться в их жизни, отчаявшись сделать окончательный выбор, но тут открылась дверь, и вошел жнец Фарадей. На дворе было темно. Когда же успела наступить ночь?

Жнец выглядел уставшим, его мантия была забрызгана кровью.

– Сегодня «жатва» была... более проблемной, чем я ожидал, – сказал он.

Ситра вышла из оружейного хранилища.

– Лезвия отполированы до зеркального блеска, – сказала она, и Фарадей одобрительно кивнул.

Потом он обернулся к Роуэну, все еще сидевшему возле компьютера.

– С кем мы работаем в следующий раз? – спросил жнец.

– Ммм... я выбрал четверых.

– Ну?

– Все четверо соответствуют параметрам.

– И что? – спросил жнец.

– Этот только что женился, этот купил дом.

– Выбери одного, – потребовал жнец.

– А этот в прошлом году получил гуманитарную премию...

– **ВЫБЕРИ ОДНОГО!!!** – прокричал жнец с яростью, неведомой Роуэну. Казалось, стены содрогнулись от этого крика. Роуэн подумал, что, может быть, это такое же испытание, как было в тот день, когда жнец предложил ему положить таблетку цианида в рот той женщине. Но нет, все было совсем иначе. Роуэн посмотрел на Ситру, которая, застыв, словно была очевидцем несчастного случая, стояла в дверях, ведущих в оружейное хранилище. Да, он обязан был в одиночку принять это ужасное решение.

Он посмотрел на экран монитора. Лицо его искривилось в гримасе. Он указал на мужчину со взъерошенными волосами.

– Этот! – сказал он. – Я выбираю этого.

И закрыл глаза. Он только что приговорил к смерти человека за то, что тот не причесывается по утрам.

Жнец Фарадей положил ему на плечо тяжелую ладонь. Роуэн подумал: сейчас будет нагоняй! Но вместо этого услышал:

– Хорошая работа!

Роуэн открыл глаза:

– Благодарю вас, сэр.

– Если бы ты справился с этим заданием без особых затруднений, я был бы расстроен.

- А следующие задания будут легче?
- Надеюсь, что нет, – сказал жнец.

На другой день вечером, вернувшись с работы, Брэдфорд Зиллер обнаружил в своей гостиной жнеца. При появлении хозяина квартиры тот встал. Инстинкт едва не заставил Брэдфорда повернуться и бежать, но стоящий сбоку юноша лет шестнадцати, с зеленой повязкой на рукаве, закрыл дверь за его спиной.

С нарастающим ужасом Брэдфорд ждал объяснений, но жнец кивнул юноше с повязкой, который откашлялся и произнес:

- Мистер Зиллер, вы были избраны для «жатвы».
- Скажи ему и остальное, Роуэн, – терпеливо сказал жнец.
- Вы должны знать, что это я избрал вас.

Брэдфорд посмотрел куда-то между пришедшими и почувствовал облегчение – ясно, что это была шутка.

- Так кто же вы, черт возьми? Кто вас надоумил?

Тут жнец поднял руку, показав Брэдфорду кольцо. Сердце у того вновь упало, как на американских горках. Все было реально, никаких шуток.

- Этот юноша – мой ученик, – сказал жнец.
- Мне очень жаль, – сказал юноша. – В моем выборе – ничего личного. Вы просто соответствуете определенному профилю. В Век Смертных многие люди погибали, спасая кого-либо. Среди них большой процент расставался с жизнью,

бросившись в реку во время разлива или наводнения, чтобы спасти своих домашних любимцев, чаще всего собак. Большинство из них были хорошими пловцами, но во время наводнения это не играло особой роли.

Собаки, подумал Брэдфорд. *Именно так, собаки.*

– Вы не сможете причинить мне вреда, – сказал он. – Если попытаетесь, мои собаки разорвут вас на куски.

Но где же они?

Из спальни вышла девушка, тоже с зеленой повязкой на рукаве.

– Я усыпила всех троих, – сказала она. – С ними все будет хорошо, а сейчас они никого не беспокоят.

На руке девушки была кровь. Ее собственная кровь, а не собак. Собаки ее покусали. Ну что ж, молодцы!

– Ничего личного, – повторил юноша. – Мне очень жаль.

– Достаточно извиниться один раз, – сказал жнец. – Особенно если это сделано искренне.

Брэдфорд коротко расхохотался, хотя понимал – все, что происходит, вполне реально. Что-то в этом показалось ему забавным. Но вот колени его подкосились, он сел на диван, и смех уступил место печали. Справедливо ли то, что с ним произойдет? И насколько справедливо?

Юноша присел на колени рядом с ним, и, когда Брэдфорд поднял глаза, они встретились взглядами. Брэдфорду показалось, что он смотрит в глаза немолодого, умудренного жизнью человека.

– Послушайте меня, мистер Зиллер, – сказал юноша. – Я знаю, что вы спасли из пожара свою сестру, когда вам было столько же, сколько мне сейчас. Я знаю, что вы приложили немало усилий, чтобы спасти свой брак. Вы думаете, что ваша дочь не любит вас, но это совсем не так.

Брэдфорд недоверчиво посмотрел на юношу.

– Откуда вам это известно?

Юноша сжал губы:

– Такова наша работа. После вашего ухода ничто в том, что составляло смысл вашей жизни, не изменится. Вы прожили хорошую жизнь. Жнец Фарадей завершит все, как нужно.

Брэдфорд попросил позволить ему сделать телефонный звонок, попросил дать ему еще один день, но, конечно, это было запрещено. Жнец сказал, что он может написать письмо, но Брэдфорд не смог собраться.

– Я вас понимаю, – сказал юноша.

– Как вы это сделаете? – наконец спросил Брэдфорд.

Ответил жнец:

– Я выбрал для вас обычное утопление. Мы отведем вас к реке, и я стану держать вас под водой, до полной остановки сердца.

Брэдфорд закрыл глаза.

– Я слышал, – сказал он, – что утопление – скверная смерть.

– Могу я дать ему то, что дала собакам? – спросила де-

вушка. — Он потеряет сознание и ничего не почувствует.

Жнец подумал и кивнул.

— Если хотите, мы избавим вас от страданий, — сказал он.

Но Брэдфорд отрицательно покачал головой, осознав, как важна для него каждая секунда жизни.

— Нет, я не хочу терять сознание, — сказал он.

Если ощущения тонущего человека должны стать его последними ощущениями, пусть будет так. Он чувствовал, как быстро билось его сердце, как дрожало тело, подстегиваемое потоком адреналина. Им владел страх, но это означало, что он все еще жив.

— Идемте, — сказал жнец. — Отправимся к реке вместе.

Ситра была поражена тем, как спокойно и уверенно вел себя Роуэн. Еще вчера он был дрожащей тряпкой. Сегодня голос его слегка дрогнул, когда он заговорил с этим человеком, но потом окреп и звучал ровно. Взяв в свои руки власть над страхами жертвы, Роуэн принес в его душу мир. Ситра надеялась: когда придет ее черед делать выбор, она так же сохранит самообладание, как это сделал сегодня Роуэн. Сегодня ей пришлось всего-навсего усыпить собак. Конечно, ее покусали, но в этом не было ничего страшного. Она попыталась убедить Фарадея отвезти собак в приют, но он отказался. Хотя и позволил позвонить в приют, чтобы уведомить соответствующую службу. И нужно было также позвонить коронеру, чтобы прислали машину за телом. Жнец хо-

тел отвезти Ситру в больницу, осмотреть покусанную руку, но она не пожелала. Ее собственные наночастицы к утру излечат ее раны, и, кроме того, ей хотелось подольше испытывать боль, чтобы хоть таким образом разделить с умирающим Брэдфордом Зиллером его страдания.

– Да, это было сильно, – сказала она Роуэну по пути домой.

– Пока меня не вырвало на берегу.

– Но это случилось уже после всего, – заметила Ситра. – А так ты придал этому человеку сил встретить смерть лицом к лицу.

Роуэн пожал плечами:

– Наверное, это так.

Его скромность и сводила с ума, и восхищала.

Вот стихотворение, написанное Досточтимым жнецом Сократом. Его наследие исчисляется тысячами строк, но это – мое любимое:

Повинуясь лишь чувствам, теряешь опору!

Будь спокоен и горд, подражай мудрецам.

Как собака не лай,

Не рычи, не кусай —

Не пристало такое жнецам.

Это стихотворение напоминает мне: несмотря на наши высокие нравственные стандарты и множество ограничений,

призванных уберечь сообщество жнецов от коррупции и порока, мы всегда должны держаться начеку, потому что данная нам власть уже несет в себе единственный, но мощный вирус – вирус нашей человеческой природы. И мне страшно представить, что жнецам вдруг начнет нравиться то, что они делают.

– Из журнала жнеца Кюри.

Глава 9

Эсме

Эсме ела слишком много пиццы. Ее мать сказала, что пицца принесет ей смерть. Она и не думала, что это может оказаться правдой.

Жнецы напали меньше чем через минуту после того, как она получила свой кусок, еще горячий от жара плиты. Был самый конец школьного дня, и ежедневные тяготы четвертого класса ее вымотали. Ланч был хуже некуда. Салат с тунцом, который дала ей в школу мать, был теплый и ко времени ланча уже слегка попахивал. Далеко не аппетитная штука. Вообще все, что давала ей в школу мать, особым ароматом не отличалось. Но мать пыталась заставить ее есть здоровую пищу, потому что у Эсме были проблемы с весом. И хотя наночастицы в ее крови можно было перепрограммировать так, чтобы ускорить метаболизм, мать и слышать об этом не хотела. С ее точки зрения это означало воздействовать на симптом, а не на болезнь.

– Ты же не можешь решать все проблемы, перенастраивая свои наночастицы, – сказала мать. – Нужно учиться контролировать себя.

Этому Эсме будет учиться завтра. Сегодня она будет есть пиццу.

Ее любимая пиццерия, «У Луиджи», находилась в про-

дуктовом двореке галереи «Фалкрум Сити», прямо по пути из школы. Или почти прямо. В общем, неподалеку. Эсме разбиралась с сыром, пытаясь таким образом сделать первый укус, чтобы не обжечь себе нёбо, когда в пиццерии появились жнецы. Она стояла к ним спиной и сначала ничего не видела. Но услышала – по крайней мере, одного из них.

– Добрый день! – громко произнес мужской голос. – Ваша жизнь сейчас изменится, и необратимо.

Эсме с удивлением обернулась. Жнецов было четверо, все – в ярких сверкающих мантиях. Эсме никогда не видела никого, кто бы так одевался. Она вообще жнецов до этого не встречала. Эсме с восхищением смотрела на жнецов – пока трое из них не выхватили лезвия, которые сверкали еще более ярко, чем их мантии, а четвертый – огнем.

– Этот продуктовый дворик выбран для «жатвы»! – крикнул главный жнец, и ужасная работа началась.

Эсме знала, что делать. Забыв про свою пиццу, она нырнула под стол и попыталась поползти. Но здесь, под столом, она оказалась не одна. Похоже, все в пиццерии последовали ее примеру и теперь, сталкиваясь, ползали под столами. Однако это не очень заботило жнецов. Сквозь толпу ползающих по полу людей Эсме видела их ноги. То, что их жертвы оказались под столами, несколько не замедляло их работы.

Эсме начала паниковать. Она слышала истории о массовой «жатве», но до сегодняшнего дня думала, что это лишь досужие выдумки.

Прямо перед собой она увидела желтую мантию жнеца и подалась назад. И тут же едва не наткнулась на жнеца в зеленом. Эсме пробралась между столами, потом между большими горшками с пальмами, которые жнец поджег своим огнем, и оказалась вне укрытий.

Прямо перед ней находилась стойка. Человек, подававший пиццу, был мертв и лежал поперек прилавка. Между мусорным баком и стеной было немного свободного пространства, куда Эсме, не самая стройная девушка в мире, втиснулась, вжав в себя все, что можно было вжать. Если бы она покинула этот уголок, то сразу оказалась бы на линии огня. Она уже видела, как двое мужчин пытались перебежать через свободное пространство к двери, и обоих настигли стальные стрелы, пущенные из арбалета. Лучше не двигаться! Эсме зарылась лицом в ладони, вспомнив, как в детстве, играя в прятки, закрывала глаза, думая, что ее не видно. Так она и сидела, тихо всхлипывая и слушая доносящиеся отовсюду ужасные звуки, пока над пиццерией не повисла тишина. Но и теперь она не открывала глаз, пока не услышала над собой мужской голос:

– Привет!

Эсме подняла взгляд и увидела над собой главного жнеца – того, что был в голубой мантии.

– Прошу вас, – взмолилась она, – не забирайте мою жизнь! Человек протянул ей руку.

– «Жатва» завершена, – сказал он. – Никого не осталось,

кроме тебя. Дай мне твою руку.

Не решаясь отказать, Эсме протянула руку и, вложив ее в ладонь жнеца, поднялась.

– Я искал тебя, Эсме, – сказал жнец.

Услышав свое имя, она вздрогнула. Зачем бы жнецу искать ее?

Тут подошли остальные жнецы, но ни один из них не поднял на Эсме оружия.

– Ты пойдешь с нами, – сказал жнец в голубом.

– Да... но моя мама...

– Твоя мама знает. Я наделил ее иммунитетом.

– Вот как?

– Да, именно так.

Затем женщина-жнец в изумрудной мантии подала Эсме тарелку.

– Мне кажется, это твоя пицца, – сказала она.

Эсме взяла. Слишком холодная, да и аппетит безвозвратно испорчен.

– Спасибо! – сказала она.

– Идем с нами, – сказал жнец в голубом, – и с этого момента в твоей жизни будет все, о чем ты только могла мечтать.

И Эсме ушла с четверкой жнецов, благодарная судьбе за то, что осталась в живых, и стараясь не думать о тех, чьи тела лежали в пиццерии. Не так она представляла себе окончание этого дня; но кто она такая, чтобы бороться с собственной

судьбой?

Были ли на свете времена, когда люди не страдали от скуки? А времена, когда у них были причины хотеть жить? Когда я просматриваю новостные архивы Века Смертных, мне кажется, что у людей тех времен было больше причин делать то, чем они занимались. Люди тогда скорее старались обмануть время, чем просто его провести.

А эти новостные репортажи! Сколько экспрессии! До самых краев наполненные криминальными сюжетами. Ваш сосед мог оказаться продавцом запрещенных химикатов. Обычные люди лишали других людей жизни без разрешения общества. Злобные индивидуумы захватывали транспортные средства, которые им не принадлежали, заставляя офицеров из правоохранительных служб преследовать их по плохо контролируемым дорогам.

Да, у нас тоже есть фрики, но они способны разве что на то, чтобы выбросить мусор в неположенных местах да совершить мелкую кражу. Никто более не выступает против системы. Самое большее, что они могут, так это сердито зыркнуть в ее сторону.

Может быть, именно поэтому «Гипероблако» допускает незначительный объем экономического неравенства. Конечно, можно было бы устроить так, что у всех всего станет поровну, но это лишь усилит скуку, от которой и без того страдают бессмертные. Хотя у нас есть все, что нам нужно, нам

все-таки разрешено стремиться к желанным вещам. Конечно, все это не идет ни в какое сравнение с тем, что происходило в Век Смертных, когда неравенство было столь значительным, что люди фактически воровали друг у друга, а иногда и расставались при этом с жизнью.

Мне не хотелось бы, чтобы преступность вернулась, но как-то не по себе оттого, что мы, жнецы, являемся единственным источником страха. Неплохо было бы ввести конкуренцию.

– Из журнала жнеца Кюри.

Глава 10

Запрещенные реакции

– Да нет, приятель, послушай-ка меня: все только об этом и говорят. Все думают, что ты собираешься стать жнецом, чтобы отомстить школе.

Теплым мартовским днем – в один из редких случаев, когда жнец Фарадей позволил Роуэну отдохнуть от дел, – тот отправился навестить своего друга Тигра, который за последние три месяца ни разу не выбрасывался из окон. Они по очереди кидали мяч в кольцо в парке в нескольких кварталах от дома Роуэна, куда Фарадей не разрешал ходить, – но Роуэн не пошел бы и сам.

Роуэн сделал пас:

– Я не *поэтому* стал учеником.

– Я-то знаю, и ты знаешь, – усмехнулся Тигр. – Но люди верят в то, во что хотят верить. Да, и теперь я затарен по самое не могу! Они думают, что я помогу им получить доступ к твоему кольцу. Болтают про иммунитет, про то, как можно избежать смерти.

Роуэн едва не рассмеялся, представив Тигра в роли посредника, да еще и собирающего за посредничество некую мзду. Наверное, и цену сам назначает?

Роуэн взял мяч и бросил в кольцо. Ему не приходилось играть в баскетбол с тех пор, как он поселился у Фарадея, но

ясно было, что его отношения с мячом изменились: может быть, в точности броска он не прибавил, зато в силе – еще как! Кроме того, он стал вынослив как никогда прежде – все благодаря «Бокатору».

– Когда ты получишь кольцо, – сказал Тигр, – сразу же дашь мне иммунитет, верно?

Он бросил и промазал – намеренно. Хотел, чтобы Роуэн выиграл.

– Во-первых, еще неизвестно, выберут ли меня жнецом. А во-вторых, я не смогу наделить тебя иммунитетом.

Тигр был по-настоящему удивлен.

– Вот как? Почему это?

– Это называется заводить любимчиков.

– А зачем же тогда друзья?

Подтянулась еще группа тинейджеров. Кто-то из них предложил поиграть команда на команду, но, увидев повязку на руке Роуэна, осекся.

– Нет, нет! Играйте, не будем мешать.

Это было невыносимо.

– Но мы же все можем сыграть, – начал Роуэн.

– Да нет, ничего, мы пойдем еще куда-нибудь.

– А я сказал, что можем! – настаивал Роуэн, но, увидев страх в глазах подошедших, устыдился своей настойчивости.

– Конечно, конечно, – сказал один из подошедших.

И, повернувшись к приятелям, скомандовал:

– Все слышали? Ну-ка, играем!

С самыми искренними намерениями они вышли на площадку, и с таковыми же начали проигрывать – точь-в-точь как Тигр. Неужели он, Роуэн, вызывает такой ужас, что даже друзья боятся состязаться с ним? Единственный, кто способен бросить ему вызов – Ситра.

Роуэн быстро потерял интерес к игре, и они с Тигром ушли. Тигру все это показалось забавным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.